Арбалетчики госпожи Иветты

Ника Дмитриевна Ракитина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Зловещая госпожа Иветта ищет меч желаний, по ночам арбалетчики расстреливают всех, кто хоть в чем-то выходит за "рамки приличий", но даже в таком мире есть надежда на любовь.

- Ракитина Ника Дмитриевна

Ракитина Ника Дмитриевна
Арбалетчики госпожи Иветты

Меч желаний
Радиальная

1.

Дом стоял на главной улице — единственной мощеной в захолустном городишке — и был как две капли воды похож на все остальные: два этажа, узкий фронтон, крыша с острым гребнем, высокие трубы, водостоки, забранные решетками окна в глубоких нишах, чугунные орнаменты и фуксии на узкой галерее вдоль фасада. Над дверью выщербленный колокольчик. Пожалуй, отличали этот дом от других ситцевые занавески, треплющиеся летом в приоткрытых окнах и балконной двери, да два фонаря на грубых стойках с завитками мастерской работы, вмурованные в стену. Фонари были сделаны из выпуклых разноцветных стекол и зажигались каждый вечер, бросая на булыжник улицы нежные розовые и дымчатые дорожки. Стекла фонарей были еще более старинными, чем сам дом, таких не выдували не то что здесь, а даже в столице, и привозили только из далекой морской Сабины, где, по рассказам, они горками лежали на прилавках рядом с черепицами и перламутровыми раковинами.

Дом вместе с занавесками и фонарями принадлежал вдове советника Герда, и его легко отыскал чужестранец, справлявшийся о ней в трактире "Под золотым стягом". Служанки слегка посудачили о незнакомце, провожая взглядом с порога, а он уже шел по Королевской улице, сопровождаемый стуком подбитых железом каблуков; длинный, узкий, как спица, меч без ножен волочился за ним, высекая из булыжника искры. Был чужеземец статен и хорош бы собой, если бы не шрам, прочертивший щеку от левого виска до носа, отчего лицо кривилось в ухмылке даже тогда, когда хозяин был серьезен; завитые волосы, надвое поделенные пробором и ничем не покрытые, трепыхались под ветерком. Одет был мужчина в серый с зеленым камзол, перечеркнутый ремешками перевязи, собранными широкой малахитовой пряжкой, оправленной в серебро. Приглядевшись, можно было заметить, что глаза его из-под длинных ресниц сверкают такой же мягкой зеленью. Шел он слегка прихрамывая, раскачиваясь, как на зыбкой палубе, и любой без сомнения признал бы в нем моряка; капера или офицера королевского флота. И задался бы вопросом, какая сила

так далеко занесла его от родной стихии.

Придерживая меч за рукоять, украшенную бирюзой, моряк дернул шнурок, колокольчик вяло тренькнул. Моряку пришлось не раз и не два позвонить, пока за резными ясеневыми дверьми не раздался скрежет засовов и створка не приоткрылась, показав длинный нос, увенчанный очками, край чепца и подол полосатой зелено-коричневой юбки с выглянувшим из-под оного полотняным кружевом. Глаза из-под очков подозрительно оглядели незнакомца.

— К госпоже Иветте, — бросил он. — Капитан Карстен Блент.

Служанка неохотно уступила пространство у двери.

— Меч можете оставить здесь, — она указала на подставку для зонтиков в глубине полутемной передней и не прибавив ни слова к своей энергичной реплике, засеменила к лестнице, ведущей из передней наверх. Свет одинокой лампы мягко взблеснул на лакированном дереве точеных балясин. Моряк не нашел ничего лучшего, как двинуться за служанкой.

— О господи! — всплеснула она сухощавыми руками. — Побудьте здесь. Я доложусь.

И растворилась с уверенным стуком широких деревянных подошв.

Госпожа Иветта оказалась моложе, чем описывал человек, давший Карстену письмо с рекомендациями. Во всяком случае, она хорошо сохранилась — как сохраняются вложенные среди пергамена цветы, утратившие цвет и аромат; с угловатостью девочки-подростка, узким лицом и поджатыми губами, она была скорее неприятна Карстену, но он только пожал плечами, не жениться же на ней он приехал, право. А может, все дело было в ее старомодном кружевном платье, почти старушечьем чепце, и вообще в этом доме с обитой пыльным плюшем мебелью двухвековой давности, со шкатулками и цветами на подоконниках, с неуловимым, но отчетливым привкусом ветхости и тлена.

Хозяйка дочитала письмо и бросила его в очаг. Карстен глядел, как в огне теряет форму и расплывается воск печати.

— Что заставляет вас променять море? Вы известны…

— А? — Карстен вскинул голову. — Печально известен. Карьера корсара перестала меня прельщать. Хочу бросить якоря на суше.

— Геза однако неподходящее место для человека с вашей славой.

Капитан легкомысленно пожал плечами:

— Я сам себе и слава, и почет, и не претендую на большее. Я готов погибнуть в безвестности.

— Даже телесно?

Карстен взглянул на госпожу Иветту с новым любопытством.

— Я не силен в философии.

— Я тоже, — усмехнулась она. — Но по праву друга позвольте сказать, что здесь такой, как вы, может уцелеть в единственном месте. В Роте арбалетчиков.

Тессер, который дала ему госпожа Герд, в ратуше распахивал все двери. Ненадолго задержали Карстена только в приемной, где сообщили, что капитан Роты отсутствует, и примет его лейтенант Асприн, временно замещающий.

Лейтенант забрал у Карстена тессер и попросил заполнить бумагу, после чего спрятал ее в шкаф и широко улыбаясь, пожал корсару руку:

— Рад приветствовать своего брата.

(Карстен ухмыльнулся).

Асприн встал, приколол к вороту новобранца изнутри оловянную стрелу.

— Обязанности необременительны. Подберите у оружейника арбалет; дежурства по городу раз в две недели, из них раз по кордегардии, второй — внешнее патрулирование, раз в месяц учения в провинции, тогда и получите форму. Желаете жить в казармах?

— Меня взяли на квартиру.

Асприн улыбнулся еще шире.

— Мы поощряем дружбу арбалетчиков с гражданами, если вы, разумеется, не забудете вензель о неразглашении. Жалованье будете получать у казначея, я вас после познакомлю. А сейчас сюда.

Улыбчивый цирюльник вытатуировал над левым локтем Карстена ту же стрелу, было больно, но Карстен терпел.

— Не беспокоит? — переспрашивал цирюльник время от времени, и корсар бодро улыбался в ответ.

— Прям как племенному жеребцу.

Цирюльник хихикнул:

— Поверьте, тому больнее. Не закатывайте рукав, — посоветовал он на прощание. — Геза — неприятное место.

С задатка Карстен купил госпоже Иветте розы.

Прозвучала длинная, как взгляд, нота — поднялась до гребней крыш и растворилась в иссушенном воздухе. Но еще долго-долго дозванивали среди домов незримые колокольчики.

Карстен узнал виолу — должно быть, какой-то бродячий музыкант начал на улице свою игру.

Пустынная поутру Королевская еще спала, ни одно окно не хлопнуло, и только на широкой от безлюдья, окропленной росой мостовой стояла девушка в просторной блузе и плиссированной красной юбке, склонив голову-одуванчик к вишневой деке, и бережно водила смычком. Карстен глядел на нее, прислонясь щекой к пушистому плюшу портьеры, и то ли оттого, что он глядел сверху вниз, девушка казалась маленькой и тонкой, как лучик, сходящийся к черным с узкими носами туфелькам сдвинутых ножек. Туфельки и юбка были запыленные — должно быть, ей долго пришлось идти, но вышитая блуза распростиралась пышной волной, блестела, и одуванчик волос раскачивался в такт мелодии.

Так они были двое перед пустой улицей, и девушка играла для него одного. Когда закончила, Карстен стал искать серебряный, не нашел, и тогда с шипеньем содрав с пальца кольцо — каплю изумруда в золотых выпуклых лепестках, — бросил его вниз. Девушка ловко поймала награду и благодарственно присела, отводя скрипку и смычок. Алая юбка трепыхнулась. Карстен отошел от окна, унося в глазах это алое пятно. Госпожа Иветта неодобрительно покачала головой.

— Конечно, это дело вашего вкуса, — сказала она за завтраком, намазывая рогалик тонким, почти прозрачным слоем масла, — но связываться с бродяжкой…

— М-м?.. — Карстен только что отрезал себе устрашающий кусок мясного пирога и откусил больше половины, поэтому реплика вышла невнятной.

— Это родовой перстень?

— Так, безделушка. Мы захватили одного купца…

— Пат, милочка! — перебила госпожа Герд. — Сварите еще кофе, этот совсем остыл. Не понимаю вашего пристрастия к широким жестам и… к отребью. Они вносят беспорядок, мешают, ломают устои; от них воняет, в конце концов!

— С ними интересно. Новые земли, обычаи, вести…

— Для этого есть фельдъегерская почта, — отрезала госпожа Иветта. — Ну, и указы Ее величества. Вполне достаточно, по-моему.

Карстен почесал переносицу и мечтательно уставился на потолок.

— Я сам бродяга.

— Нет. Вы стали достойным членом общества. Его защитником! Кстати, ко мне должна приехать моя племянница. Странный ребенок, калека. Надеюсь, она вам не помешает?

Две плотные башенки с остроконечными крышами обрамляли станционные ворота, а между ними и по широкой площади гулял дождь. Вернее, не дождь, взвешенная водяная морось, делающая одежду тяжелой, настроение скверным, а плиты скользкими и серебряными. Карстен отражался в них, как в зеркале, когда с зонтиком наперевес бежал через площадь, подумывая, что зря стал жертвой собственного альтруизма. Ну и любопытства тоже. Объект этого в высшей мере неудобного чувства стоял как раз перед воротами. Другие пассажиры утренней почтовой уже растеклись под манящие вывески или разъехались в экипажах, а вдова Герд пожадничала, да и идти тут было два шага… и "любезный молодой постоялец…" Карстен сплюнул. В общем, смотреть было не на что. Блеклая кривобокая девица в шерстяном мешке (назвать это платьем не позволяла совесть). А рядом вцепившийся в ее запястье низколобый квадратный страж с лицом, не отягченным печатью разума, в коротком сизом балахоне и черных штанах, заправленных в грубые башмаки. Карстен испытал к нему мгновенную брезгливость и усмехнулся просебя. Если это наставник, то он, Карстен, — святые покровители, двое в одном лице. Он шагнул вперед, раскрывая зонтик:

— Госпожа Аделаида Катрина Дашер?

Наставник с подозрением уставился на него. А Карстен, нарочно его игнорируя, с обворожительной улыбкой наклонился к девушке. Она была поистине жалкой. Не стоило даже искать в ней что-то красивое: так поступают с дурнушками, которых хотят утешить, а полномочия Карстена столь далеко не простирались. Встретить — и доставить.

— Ваша тетя послала меня…

Он церемонно вручил девушке записку, которую тут же выхватил страж, вылупился, скосив глаза к переносице, как на нечто неприличное, и так застыл. У Карстена даже возникло сомнение, умеет ли он читать. По волосам и личику девушки бежала дождевая вода, она мелко дрожала. Карстен решил прервать комедию. Он отвернул лацкан и сунул стрелу наставнику под нос. Грешно употреблять служебным положением, но иногда полезно. Мужик вышел из остолбенения, тяжело кивнул и ушел. Смылся, можно сказать.

— Где ваши вещи? — спросил Карстен, поддерживая над госпожой Катриной Аделаидой зонтик.

Она покачала головой. И вытерла руку о платье. Карстен успел заметить черные пятна на запястье.

— Если вы не очень желаете побыстрее обнять вашу тетушку,

то мы пойдем и как следует позавтракаем. И согреемся. Совесть не позволяет волочь вас к ней в таком виде. Эти старушки такие нервные…

Девушка даже не улыбнулась.

Отчаянный крик ударил по нервам. Так могло кричать только совсем беспомощное, испуганное насмерть существо. Карстен выронил книгу и выскочил в переднюю. На лестнице он столкнулся с госпожой Иветтой. Она спускалась, держа в руках дымящийся фаянсовый кувшин.

Полураздетость Карстена и обнаженный меч в руке она восприняла, как нечто само собой разумеющееся.

— Простите, но врач велел сделать девочке клизму. Несчастное дитя, даже простые отправления превращаются для бедняжки в проблему…

Судя по всему, она готова была еще говорить, но Карстену не хотелось физиологии, он коротко поклонился и ушел к себе. "Жалок, жалок голый мужчина с перевязью от шпаги через плечо"… Какое-то время его донимало ощущение, что он что-то упустил. Карстен так и не разобрался, чем оно вызвано, и только зло сплюнул в угол и обозвал госпожу Иветту злобной старухой.

Очередной визит старой дамы оказался для Карстена полнейшей неожиданностью. Он едва успел прыгнуть за дверцу шкафа и натягивая там рубашку, думал, что это уже становится дурной традицией. Вот только госпожа Иветта — не та, перед кем он желал бы демонстрировать свои достоинства.

— Простите меня, я думала, вы уже встали.

— Да, я уже встал.

Госпожа Иветта хихикнула, и тут же закашлялась, зажимая рот ладонью.

— Видите ли, мне нужно уехать в столицу.

— М-м? — Карстен выглянул из-за дверцы.

— Небольшая радость в моем возрасте. Но мы живем более чем скромно, а друзья написали мне, что появилась возможность исхлопотать у Ее величества пенсию в честь заслуг моего покойного мужа. Он многое сделал для страны в свое время.

Карстен что-то невнятно промычал. В конце концов, он плохо разбирался в контаманской истории.

— И мой долг — позаботиться о ребенке!

В общем, от Карстена требовалось ни много, ни мало заменить девице тетку на время ее отсутствия, любящей тети то есть. Ну и ее служанки. Нанимать кого-либо еще было накладно. А когда Карстен попытался заикнуться о девичьей репутации,

госпожа Герд отрезала, что полностью ему доверяет: и в смысле репутации, и в смысле своего имущества. И что уже договорилась о его временном отсутствии на службе. В общем, "дружба с населением" выходила Карстену боком. Он пожалел, что не переселился в казармы. Не то чтобы он робел перед девицами, но эта была странной во всех отношениях, и что с нею делать, он не знал.

2.

— Такое впечатление, что она побывала в мясорубке. И вот это, — врач брезгливо отбросил в сторону деревянный, на латунных обручах сапожок. — Пользы от него ни на грош, вред один. Все переломы давно срослись, хоть и неправильно.

Девочка жалобно застонала, и Син склонилась к ней, кладя руку на лоб; колечко вывалилось из-за корсажа и закачалось на шнурке, сияя, как зеленая звезда. Карстен откровенно любовался ею, благо, внимания на него не обращали. В общем, шлепанье мятежных девиц приносит не одни неприятности.

— Так, а здесь что?

Врач нравился Карстену, молодой, круглолицый и обстоятельный, с добрыми синими глазами, а впрочем, Син и не могла привести другого.

Аделаида Катрина опять попыталась спрятаться под одеяла, но видя безуспешность этого, просто изо всех сил стиснула свою изуродованную лапку.

— Нет! — это скорее прочиталось по губам.

— Свету побольше! — Карстен поднес лампу. Девушка сильно зажмурилась:

— Нет! Нет!

— Ну что ты, Катти… — принялась уговаривать Син. Карстен издал короткий смешок. Скрипачка недоуменно посмотрела на него.

— Просто так звали мою бригантину, — пояснил он виновато. — Шкодливая была… неимоверно.

Врач фыркнул:

— Интересно.

Подмигнул Син левым глазом. Она щедро плеснула из бутыли в фарфоровый стакан.

— Сейчас выпьешь лекарство, и будешь спать.

Катти резко замотала головой, густая жидкость расплескалась по подушкам, оставляя неприятные коричневые пятна. В Карстене опять всплыло желание перебросить строптивицу через колено и выдрать как следует. Даже ладонь зачесалась.

— Оно сладкое. Хочешь, я сама выпью? — Син поднесла чашку к губам. В общем, пока они так развлекались, врач сделал что-то, отчего девица дернулась, закричала — и обмякла. Син осторожно разжала стиснутые пальцы… Врач коротко охнул. Они переглянулись с Син, и он стал поспешно собираться. Карстен предложил ему заночевать, но видно было, что парень смертельно торопится.

Карстен отворил входную дверь. Фонари отчего-то не горели, и июльская ночь казалась глубокой, как колодец. Силуэты домов на противоположной стороне улицы были словно вырезаны из черного бархата и наклеены на звездное небо. Воздух пах цикорием. Врач глубоко вдохнул его, выходя на крыльцо.

— Доброй…

Он не договорил. Потому что воздух, сгустившись, наотмашь ударил в горло, сломал и отбросил на каменный пол передней, и когда Карстен, поспешно захлопнув дверь, склонился над ним, врач был уже давно и безнадежно мертв.

— Не смотрите! — Син уже стояла рядом и смотрела на охвостье арбалетного болта, торчащего из горла. Болт перебил позвонки, и голова неестественно скривилась, а свет лампы плавал в коричневой лужице, похожей на лекарство.

Карстен прижался лбом к стеклу. Если бы это принесло облегчение… Нужно было хоть что-либо делать. Хотя бы вымыть этот проклятый пол. Или схватить меч и рукоятью стучаться в соседские двери, пока все не выскочат и не перестанут делать вид, что ничего не происходит. Или надраться до полусмерти. Потому что не может сама по себе стрелять темнота. Потому что всегда есть хоть что-то: щелчок спускаемой тетивы, звон пружины, шлепок рамы, если стреляли из окна. Ему плевать, о чем думает и молчит весь город. Ему только не плевать на Син. Потому что если в серых глазах поселился страх, то мечта о спокойной жизни не кажется такой уж радостной.

Он хватил кулаком по стеклу. Стекло было старое, выпуклое и ребристое, подсвеченное желтым и зеленью, и сквозь него на пол кухни падали, образуя квадраты, цветные и пыльные солнечные лучи. Карстен облизал сбитые костяшки пальцев. "Мне нужно уйти. Я постараюсь вернуться быстрее. Не предпринимайте ничего".

Он вздохнул, скрутил из листка кораблик и пустил в свою чашку. Шхуна важно закачалась на дегтярной поверхности. Пар шевелил треугольный парус. Карстен щелкнул по нему, шхуна черпнула кофе и стала тонуть. А у Карстена вдруг возникло ощущение, что эта просторная, широкая кухня с аккуратно

разложенными вещами — ловушка, в которую он по неосторожности угодил, и только ждет и выбирает время, чтобы схлопнуться окончательно. Он вскочил. Бок медного кофейника, отразив солнце, зайчиком брызнул в глаза. Карстен выплеснул кофе с корабликом в очаг. Не стоит жалеть о несбыточном. Он в три шага одолел прихожую и лестницу.

— Катрина Аделаида!! Оденьте самое неприличное, что у вас есть. Я приглашаю вас в кабак!

Он тяжело навалился на худое плечо, мечтая, чтобы оно хрупнуло, как куриная косточка. Ему нравилось видеть в ее глазах боль, стыд и отчаянье. Потому что это была не Син. Потому что Син бросила его.

— Пойдем! Ну пойдем!..

Он смахнул узкую ладошку. Звать ее «Катти» было кощунством. Проклятые женщины.

— Вина! — проревел он. — Помянем. Хорошего человека.

— Кого?

Карстен уставился в лицо Аделаиды Катрины полуосмысленным взглядом.

— Как?.. А, да ты все проспала. Славная она была девушка. — Он покачал в ладони тяжелую кружку. Вино разбрызгалось по столу, по распущенной рубахе, по дурацкому платью спутницы. — П-п-представляю, как обрадовались монахи. В-выходят с утречка — и тело…

Ужас в серых глазах прибавил ему красноречия. Хотя почему в серых? Золотые искорки… В этих глазах не должно быть золотых искорок! А, это свеча… Постой, ведь утро было, да.

— Пошли, идем отсюда!.. Пожалуйста…

Карстен, ты пьян как свинья, сказал он себе. Возможно, вслух. Нельзя так обращаться с женщинами. Даже если они уродливы, как смертный грех. Даже если у них мозгов, как у курицы, и вкуса столько же. Он поднялся. Аделаида Катрина подставила здоровое плечо. Только теперь Карстен разглядел, что личико у нее красивое. Кожа тонкая, прозрачная до голубизны. И короткие волосы мягко вьются. А в глазах… да это просто кощунство!

— Отвернись, девка, — сказал он. — А то я тебя ударю.

От свежего воздуха ему стало плохо, и он долго блевал на стену, пока внутренности не стали выворачиваться наружу. Тогда Карстен оттолкнулся от стены и встал почти прямо. У него над головой сиял фонарь.

— А вчера не горели!.. Да, это он выпил мое масло. То есть, не мое. Понятно?

Он растянул это «поня-атно», многозначительно глядя на Катрину Аделаиду, и уже собирался пойти разбираться с кабатчиком, но мысль неожиданно скакнула, и он схватился за ворот ее платья, пытаясь сорвать:

— Ты… ты оскорбляешь мое эстетическое чувство, — он вспомнил о воспитании и поправился: — Оно. Его порядочный человек и платьем назвать постесняется… разве что из жалости… — выдав столь длинную фразу, Карстен ослаб. Катрина попыталась увести его, и они какое-то время топтались под фонарем, как неловкие, но старательные партнеры по менуэту.

Слава Хранителям, его минула пьяная слезливость.

В доме было пусто и холодно, как в склепе, и только в прихожей, напоминая вчерашнее событие, висел вязкий запах крови.

Карстен брякнулся на порог в открытой двери, глядя на слепые зарешеченные окна дома напротив. Тупая злоба переливалась в нем. Еще немного, и он схватил бы обломок кирпича и пошел бить эти окна. Стрелять могли только отсюда. Убить хорошего человека, и заставить еще одного хорошего человека исчезнуть, а третьего хорошего человека надраться до положения риз, поссориться с глупой девчонкой и сидеть, одолеваемого комарами и злобными мыслями, на пороге ненавистного чужого дома, в котором поселилась смерть. Прекращая страдать и захлопывая дверь, он не услышал, как в чердачном окошке дома напротив раскололось стекло и захлебнулся крик.

Крик заставил его поморщиться и перевернуться на другой бок. Можно было подумать, госпожа Иветта самолично принеслась на помеле из Гиссара, чтобы поставить девочке очередную клизму. Тут Карстен вспомнил, что забыл дать Аделаиде лекарство, и, поминая дьявола, поплелся на кухню. Не своротил он что-либо только чудом, зато пролил половину бутыли себе на ноги. Гадость была липкая. В полной темноте наощупь он попытался найти воду и таки споткнулся. Ложка полетела в сторону, а бутыль на пол.

— Черт с тобой, — он проводил бутыль задумчивым взглядом, полагая, что раз девица обошлась без лекарства эти три дня, обойдется и дальше. В свете последних событий.

Похоже, Катрину Аделаиду привлек шум, потому что она как раз появилась на пороге в одном из этих своих безобразных платьев и с мечом в руке. В первый миг Карстен удивился не

мечу, а тому, что видит все это. Потом понял, что светится клинок. Зеленоватым гнилушечным светом, не очень ярко, но отчетливо высвечивая окружающее. Девица кособочилась куда меньше: меч весьма исправляет фигуру (особенно, если направлен на тебя). Карстен очень неловко почувствовал себя: в ночной сорочке и подштаниках умирать не хотелось. Конечно, видел он ее… но противника лучше не недооценивать.

3.

Карстену снилось, как он несет через дворик за домом мертвое тело, а Син, захлебываясь рвотой и слезами, подтирает с булыжника кровь, все же просочившуюся сквозь скатерть, в которую доктора завернули. Потом он оставит тело на пороге часовни Даниэля и Кристины, было раннее утро, солнце уже всходило, но вокруг не было ни души.

Потом он топил скатерть в ручье, к которому выходили зады дома вдовы Герд, придавив камнями и даже во сне продолжал рассуждать, сумеет ли найти в лавках точно такую же. Потом он долго ходил по воде, пока сапоги не промокли насквозь, а потом умылся в ручье и перемахнул за ограду (калитка назло захлопнулась) и домывался уже под струйкой, сбегающей из щели каменной стены, огородившей дворик. Ему и в голову не пришло обратиться к властям — так он привык им не доверять. Син, видимо, тоже. Она за это время успела отмыть переднюю, каждую панель, оставить записку и исчезнуть… Карстена потрясли за плечо.

Он проснулся мгновенно, увидал над собой незнакомый низкий потолок с перекрещивающимися деревянными балками и милое улыбающееся личико. Косы цвета черного дерева, упав, щекотали ему лицо. Девушка была не то что миленькая, прехорошенькая, и Карстен даже застонал от того, что она ему только снится. Потому что в реальности взяться ей было неоткуда. Красавица смахнула прядку с румяной щеки и опять ему улыбнулась:

— Госпожа просила передать, что готова к отъезду.

Карстен потер лоб:

— Где я?

Девица показала великолепные зубы:

— Что вы, мессир! Это Трактир на Перекрестке!

— Я сильно выпил вчера?

— Не без этого. Поторопитесь, госпоже нельзя ждать.

Она удалилась, покачивая забранными в узкое платье бедрами. Карстен застонал и стал одеваться.

С верхней площадки лестницы Карстен увидел, как какая-то

дама в бархатном платье цвета еловой хвои, нависнув над Катриной Аделаидой, кричит ей в лицо:

— Имя Звезды и Меч Желаний — еще не все, чтобы сметь третий раз становиться на моей дороге! Четвертого раза ты не переживешь!

Карстен рывком развернул даму, увидал ее яростные белесые глаза, и даже ему сделалось не по себе. И все же он ухмыльнулся:

— Где-то я уже видел тебя, курносая…

— И еще увидишь! — она тряхнула головой, выдираясь, каштановая корона рассыпалась и упала четырьмя косами за плечи и на грудь. Что была за грудь! Карстен подумал, что столько красавиц для него на сегодня многовато. Румянец ярости просветил сквозь ее кожу. — Не раз увидишь и очень пожалеешь об этом, арбалетчик!

Он оттолкнул ее и прыгнул к Катрине Аделаиде, которая, все еще с мечом в руках, заваливалась навзничь. Карстена опередили. Одетый неброско и просто молодой человек успел поймать ее, они столкнулись с Карстеном нос к носу, и тот уронил с соседнего стола все, что там еще оставалось.

— Вы?! — произнесли они хором.

Закат полыхал на половину неба, огромное, оранжевое, сверкающее, как вода, солнце. Оно сияло в облачных громадах, в розовом дыму, в полосах лучей, подсвечивающих царственные небесные острова. Все бледнело перед этим небом, делалось суетным и ненужным, а нужно было только смотреть и впитывать в себя красоту. И Карстен смотрел поверх приземистой двухэтажной хоромины трактира, темной на полыхающем небе, смотрел почти не дыша.

— Едем!

Взгляд сорвался на густые шпалеры роз, до половины заслоняющие окна нижнего этажа. И замер. Карстен пробовал понять, что же зацепило его в этих розах, но полыхающее сияние солнца мешало, нельзя было помнить о чем-либо, кроме него.

— Они синие, — сказал доктор. — Меня зовут Александр, и я действительно умер.

И Карстен брякнул совершено искренне, от всего сердца:

— Бедный. Как ты жить-то будешь теперь?

Трактир скрылся за поворотом дороги, и когда запахло смолой и хвоей от надвинувшегося бора и над чубками сосен загорелась первая водянистая, зеленоватая, как меч, звезда, Катрина единым взмахом рассекла натянувшийся воздух. Он разошелся с треском вспоротой ткани, и края разреза окрасились в зеленое, и проваливаясь в щель, Карстен основательно

впечатался коленями в каменный пол передней. Кто-то ахнул, загремели осколки, и брызги горячего кофе больно обожгли Карстену ухо. В свете падающего из кухни утреннего луча он разглядывал останки почившего завтрака: любимые рогалики госпожи Герд, масло и сыр, сдобренные кусочками сервиза и обильно политые кофе, а над ними рыдающую хорошенькую незнакомку!(с пятнами кофе на переднике). Это было чересчур. Карстен поднялся с колен. Даже в полумраке передней и в полубедственном положении глаза и волосы ее сверкали, а простенькое сатиновое платье сидело изумительно. Невозможно было не разделить ее горе и не утешить. Руки Карстена помимо воли скользнули к ее плечами, ее бархатистые ладони легли к нему на грудь, а через секунду туда же улеглась пушистая встрепанная головка…

— Кто… ты? — вопросил Карстен в перерывах между поцелуями.

— Три-са. Беатриса Вальдес.

— А что ты тут делаешь?

Более идиотский вопрос придумать было трудно. Он сам прекрасно знал, что они тут делают, и тут же поклялся себе спасти Трису от гнева госпожи Герд. Тем более что сам был во всем виноват.

— Работаю, — просто ответила Триса и метнула на него затравленный взгляд. — Пат… задавило каретой.

— Замечательно!

Карстен понял, что на глазах глупеет. — То есть не то, что задавило, а то, что ты сюда приехала.

— Да, госпожа советница Герд была настолько добра… чтобы привезти меня из Гиссара, — голос девушки как-то сломался к концу и перешел в едва слышные всхлипы.

Карстен легонько подтолкнул ее в округлые ягодицы:

— Иди, приготовь еще. Я сам поговорю с госпожой.

И получил в ответ такой сияющий взгляд, что будущий гнев госпожи Иветты казался уже чем-то несущественным.

Вдова Герд отыскалась в комнате Катрины Аделаиды, и была чем-то весьма довольная, настолько довольная, что глаза ее сверкали, как две свечки. Катрина сидела напротив тети на своей узкой с витыми чугунными спинками кровати, пряча под себя правую руку. Карстену не удалось разглядеть девочку: хозяйка быстро выпихнула его в коридор и там почти защебетала:

— Я вам очень, очень благодарна! Бедняжка очень посвежела и даже поздоровела, насколько это возможно в ее положении.

— Правда? — ошеломленно переспросил Карстен.

— У меня тоже есть для вас приятная новость. Приходил ваш

лейтенант, как его, Асприн. Он не мог ждать и просил меня сообщить вам, что вы повышены в звании!

— Дьявол вас задери! Я две недели не был на службе! Я маялся с сопливой дурочкой и не сделал ничего…

Асприн поднял взгляд от полированной столешницы:

— Вы, мой брат, исполнили задание государственной важности.

— Какое?!

— Вы призвали Меч Желаний.

4.

Карстену снился город, похожий на ежика из башен то ли корабельных мачт. В нем еще ничего не успело случиться. Еще не застрелили канцлера, еще не было предательства, и море не исчезало утром, оставляя после себя ошметки водорослей и сонной тины на мостовых, еще звучали свербящие крики чаек и канонада крыльев, и не появился в городе мальчик со смешным именем Ягайло, чтобы все расставить по своим местам. В городе был праздник и в вечереющем небе над площадью вспыхивали и рассыпались зелеными искрами молнии. И никто не старался прятаться от них, наоборот, встречали каждую радостными воплями и горстями ловили искрящийся воздух. Полыхнуло над самой головой, Карстен шарахнулся, и колючий обжигающий шарик угодил ему за ворот. Шипя и плюясь, Карстен выволок его и ощутил в ладони шершавой тяжестью мечной рукояти.

Последнее, что запомнилось из этого сна: на груди сидит госпожа Иветта, придавив к покатым и неприятно жестким "кошачьим лбам" и сцепив у него на шее птичьи когти, смрадно шипит в глаза: — Меч-ч!..

Карстен рывком уселся в напрочь мокрой постели: такого не случалось с ним с недоброй памяти нежного детства. Он замотал головой и попытался опрокинуть на себя кувшин с прикроватного столика. Из кувшина лениво вылилось две-три капли воды.

— Простите, ради покровителей, вы так кричали…

— Сударыня всегда использует радикальные средства?

Географическое положение его комнаты опять сыграло с Карстеном дурную шутку. Не живи он возле лестницы — мог бы орать со сна до посинения.

— Вам придется все это высушить, — Он стянул через голову мокрую рубашку и взялся за подштаники. В полумраке раннего утра Триса казалась достаточно виноватой, чтобы сердиться долго.

Девушка невнятно пискнула и отвернулась.

— Я не собираюсь вас трогать: я для этого слишком мокрый, — фыркнул Карстен. — Кстати, хозяйку я не разбудил?

— Она ушла на рынок.

Триса быстренько сгребла в охапку мокрое белье.

— А завтрак? И кстати, как там племянница? Я должен убедиться, что не напугал дитя.

— Там заперто, — сказала Триса чересчур поспешно.

— У вас есть ключ. Вы же кормите девочку завтраком. И обедом.

— Госпожа Герд будет сердиться.

— Валите на меня, — он уже стоял вполне одетый, крепко держа трепыхающуюся служанку за руку. — Жить не могу, если с утра не разобью пару физиономий или не нарушу какое-либо установление.

И подхватив красавицу подмышку, широким шагом отправился наверх.

Отпер комнату Катрины Аделаиды и ошеломленно застыл на пороге: комната была старательно прибрана и девственно пуста.

Госпожа Герд сидела на кухне радостная и довольная собой, откинувшись на спинку скамьи и скрестив вытянутые ноги в нитяных чулках — на памяти Карстена она таких вольностей себе не позволяла. Он поцеловал вдове ручку и осведомился о ее здоровье. И заодно о здоровье племянницы.

— Очень мило с вашей стороны, — улыбнулась госпожа Герд, — доктор прописал сиротке деревенский воздух, и до осени мы лишены будем счастья лицезреть ее под этой крышей. И все равно очень мило с вашей стороны так заботиться о чужом вам ребенке. Я так и говорю соседкам, какое счастье мне выпало. Правда, Триса, деточка?

Служанка только ниже склонилась над горшками, спина ее выражала покаянную покорность.

— Да, хорошая моя, когда подашь завтрак, почисти мои туфли и плащ.

— Хорошо, госпожа.

Карстен бросил невольный взгляд на туфли, стоящие у очага — замшевые, на высоком каблуке, вконец заляпанные желтой грязью, и когда хозяйка вышла из кухни, негромко поинтересовался:

— А что, хорошая моя, замощена ли в Гезе рыночная площадь?

Еще в тот же день Карстен в очередной раз пожалел о том, что вовремя не сбежал в казармы. Ибо госпожа советница, заловив

его в коридоре и поинтересовавшись, дворянин ли он, сообщила, что он, Карстен — единственный мужчина, которого она настолько уважает, чтобы предложить сопровождать себя на ежегодный бал в ратушу. Судя по всему, бал этот был для Гезы событием неординарным и список гостей служил поводом для сплетен на полгода до и полгода после самого бала. Как и список вин, танцев и случившихся там скандалов и обручений.

Медленные, почти ритуальные движения фанданты давали партнерам возможность разговаривать и не быть услышанными другими, но Карстен едва не наступил даме на ногу, когда при смене фигуры узнал на набеленом надменном лице глаза Син.

— Танцуйте! — яростно прошептала она. — Что вы наделали?!

— Что я наделал?! — он повел ее, прижимаясь щека к щеке и вдыхая терпкий незнакомый запах очень дорогих духов. — Кто-нибудь в этом паршивом городишке объяснит мне наконец, в какое дерьмо я вляпался?

Ему пришлось встать на колено, и на какое-то время разговор прервался. Потом партнеры сменялись дважды, и только на третьем круге Карстен сумел продолжить:

— … Ее величество, заключив мир с Таммерией, оставляет меня не у дел. Единственный известный мне способ заработать на жизнь объявляют незаконным. Я бросаю якоря на суше. Но вместо спокойной жизни, уважения, жены и детей — меня награждают за подвиг, которого я не совершал, — он опрокинул Син через бедро, успев заглянуть в вырез ее платья, — меня бросает любимая женщина, и тут же обвиняет во всех грехах. Что я наделал?

Син, приподняв юбки, унеслась к очередному кавалеру, а Карстену оставалось только молча беситься в ожидании ее возвращения.

— Вы призвали Меч.

— Сон в руку! Мне что, так и будут им тыкать, кому не влом? О каком мече все вы твердите, на милость покровителей?!

Син просто пришлось закрыть ему рот поцелуем. Кажется, этого никто не заметил.

— О Мече Желаний… — прошипела она, когда сумела вдохнуть.

— И что он делает?

Она всплеснула руками:

— Исполняет желания!

Тут танец опять вернул Карстена к госпоже Герд. Та, влекомая им, все же обернулась, посылая Син нехороший взгляд

сощуренных глаз:

— Однако, вы не теряете времени, милочка…

— В вас влюбились!..

Карстен потряс дурной со сна головой. Врываются не стучась все, кому не лень, не комната, а проезжий тракт какой-то. Или девочка вообразила, что десяток поцелуев и любовная дребедень в маленькое ушко делают его ее собственностью?

Она обвиняюще потрясла перед корсаром мятым голубым конвертиком с запахом знакомых духов и чмыхнула.

— Душа моя! О чем ты? Вдовушка вцепилась в меня мертвой хваткой и взглядом убивала наповал всех соперниц!

— Вас все любят… я чистила ваш костюм.

— Спасибо. Вот сейчас разорву у тебя на глазах…

— Нет!

Любопытство у женщин в крови. А в записке и было всего: "В. В. 6" и рисунок симпатичной хрюшки с бубенцом в зубах. — Глупая шутка, — пробормотал Карстен, разрывая бумажку в клочки и рассеивая по полу. — Ой, прости, я наделал тебе лишней работы.

Но сияющая Триса уже неслась за метелкой.

Карстен прекрасно понял, о чем говорилось в письме. Син назначала ему свидание в воскресенье или во вторник в шесть вечера (ни одно заведение в Гезе в шесть утра не работало) в той самой "Хрюшке с бубенцом", где они уже однажды встретились, когда он в поисках помощи угорелым котом носился по городу. Сегодня было как раз воскресенье и, как назло, его дежурство в Роте. Приходилось, скрипя зубами, ждать до вторника.

— … моя дочь может пройти весь город из конца в конец, и я поручусь за ее честь и кошелек.

— А за жизнь?

— Но порядочные девушки ведь не разгуливают ночью!

Карстен поймал хвостик разговора, входя в «Хрюшку» незадолго до назначенного времени. Два почтенных обывателя обернулись на шаги, молча допили свое пиво и, расплатившись, вышли. Карстен устроился в углу. Он дивился гезским кабакам — все здесь было очень аккуратно, пристойно, никто надолго не засиживался, а пьяных потасовок вовсе не бывало. Лейтенант Асприн как-то пробовал втолковать ему, что одной из обязанностей Роты как раз и является их искоренение, но Карстен честно не понимал, как можно искоренять то, чего и так нет. Эти воспоминания и лучшее блюдо «Хрюшки» — жареная свинина с брусникой и солеными рыжиками под кубок белого орли немало

скрасили ему ожидание. Заведение заполнялось, и, разумеется, ему пришлось усадить растерянную даму за свой столик.

— Я же просила вас ничего не предпринимать! — сдержанная ярость звенела в ее голосе. — Если бы не Саня… Нате! Он сказал вам доверять.

Она выбросила на скатерть синий до черноты увядший бутон.

Карстена охватила пришедшая изнутри ледяная дрожь. Значит, это и в самом деле ему не приснилось. Значит…

— Так доверяйте.

— Не хочу. Я вообще жалею, что встретилась с вами.

— Вот как… — медленно сказал он.

— Извините.

— Превращение в аристократку сильно испортило ваш характер.

— А ты придурок!

— Да, для полного дурака я слишком обаятельный. Впрочем, — он поднял полный бокал, — у меня остается два пути. Отыскать Саню…

— Нет!

— … или подождать полтора месяца.

— Почему?

— Именно к этому сроку госпожа Герд планирует возвращение своей племянницы. По-моему, как раз в субботу она отвозила барышню в деревню. Там такая жирная желтая грязь…

Син вскочила и бросилась вон. Карстен понесся за ней, удивляясь, как быстро женщины умеют бегать на каблуках: даже при его длинных ногах угнаться за Син было трудно. Через совсем недолгое время они оказались в незнакомой части города, где двухэтажные особняки сменились низкими хибарами, а потом потянулся обсаженный осокорями проселок, уткнувшийся в покосившиеся ворота заброшенного кладбища. Син оскальзывалась на желтой земле, еще влажной после давешнего дождя.

Бродячие псы трудились над падалью и только когда Карстен запустил в них пару камней, с недовольным рычанием убрались. По вздутым телам ползали бронзовые мухи. Мертвецов было четверо — пропитой мужичок, две такие же бабенки и собака. Словно прилегли отдохнуть с перепою. Только вот из горла каждого торчал арбалетный болт.

Карстен повернул Син лицом к себе, и она склонилась к нему на грудь.

— Нич-чего… я уже видела… т-такое.

Он повел ее назад по дорожке, старательно огибая лужи. Бесчувственную и безвольную, посадил в остановленный экипаж.

И повез (чего уж там) к себе.

Карстен открыл дверь ключом, который давала ему госпожа Иветта перед отъездом и который он не собирался возвращать. Зонтика и пелерины хозяйки на вешалке не было — должно быть, на госпожу Герд накатил очередной приступ набожности и она убралась в церковь — там как раз шла служба. Триса на кухне гремела посудой.

— Зайка моя! — загорлал постоялец. — Тут одна дама очень удачно свалилась в обморок! Давай, неси кофейку покрепче, вина с сахаром, мокрое полотенце, уксус… ну, чего там вам женщинам надо!..

В кухне на миг установилось молчание, оборвавшееся звоном и грохотом. Похоже, котелкам и кастрюлькам досталось.

— Ну не мог же я ее оставить на улице! Я благородный человек! Кофе и вино — мне, остальное — ей.

Он попытался распустить на Син шнуровку и получил по голове тем, что попалось ей под руку. Вне сомнения, это был кувшин.

— Похоже, дама пришла в себя… — ядовито заметила Триса, становясь на пороге.

Карстен, держась за темя, осунулся к стенной панели.

— Зато я… ушел.

Триса колдовала над Син, растирая ей уксусом виски, шею и запястья и давая нюхать жженую пробку. На Карстена она принципиально не смотрела.

Син корчила из себя благородную даму, закатив глаза, валялась в подушках, несмотря на тоже насквозь мокрое спереди платье. Карстену пришлось самому выбираться из лужи, которая успела с него натечь. Голова немилосердно трещала. Ни вина, ни кофе, ни женской ласки он не получил. Вообще от этой жизни едва ли стоило ждать чего-то хорошего. К тому же у него вышли свежие рубашки, а прачка обещала выстиранные не раньше понедельника. Он извлек из ящика изрядно полегчавший за последние дни кошелек:

— Триса, ягодка, мне, право же, неловко, но тебе придется сбегать в "Свинью с бубенчиком". По-моему, я забыл заплатить за ужин.

Триса презрительно дернула попкой. Эти девицы невесть что себе позволяют!

Карстен решил, что тоже может себе кое-что позволить. Накалить утюг, например. Он помнил, как ловко им орудовала в прошлый раз Триса, высушивая его одежду. Быстро и эффектно. А

если заявится госпожа Иветта… так она уже видела его неглиже.

Утюг — кошмарное ржавое сооружение- стоял в кухне на одной из полок. В него следовало залить масло и поджечь фитиль. Что напомнило Карстену глиняные бомбочки с нафтой, которые кидались при абордаже для устрашения противника. Впрочем, с утюгом проделывать подобное не стоило. И без того сплошной ущерб дому.

Вместо масла попадались Карстену вещи, в сей момент ненужные (вроде оплетенной бутыли с вином, он отхлебнул на всякий случай и после минуту не мог отплеваться), а то и вовсе бесполезные, и он заходил в поисках все дальше — в дальний конец кухни, потом в кладовую, а оттуда в погрызенный жучком занимающий всю стену старый гардероб с уймой траченной молью одежды…

5.

— Маленькая лживая дрянь!

Меньше всего напоминал теперь Карстен утонченного аристократа и дамского угодника, и Триса по-настоящему испугалась.

— Говори!

Вот с этим-то было хуже всего: он надежно заткнул ей рот охапкой сунутого в лицо заплесневелого тряпья и заодно встряхивал так, что зубы у нее стучали.

— Вы слишком многого требуете, — холодным тоном сообщила вставшая рядом с кухаркой Син. Глаза Карстена полыхнули в ее сторону:

— А вам бы лучше вовсе заткнуться. С вашими тайнами! Так ты скажешь?!

Триса сделала робкую попытку потерять сознание. Карстен оборвал притворство пощечиной.

— Дай веревку! — рявкнул он Син. — Я свяжу ее, а потом таки раскалю утюг.

Девушки переглянулись. Глаза Трисы безмолвно молили о помощи.

— Можешь мне поверить, детка, я не стану церемониться. Где Аделаида?

Триса закричала. Это был животный, дикий крик, кончающийся сумасшествием.

Карстен встряхнул девицу и поволок за собой, легко отбросив повисшую на локте Син.

— Вы спятили, Карстен!

— Плевать. Она где-то здесь, я знаю. Они полагают, мне можно морочить голову… Я из тебя душу вытрясу!..

Трису стошнило, и Карстен выпустил ее, презрительно глядя, как она корчится на полу.

— Это бесчеловечно!

— Куда бесчеловечнее прятать в подвале несчастную девочку-калеку.

Равномерные хлопки заставили их оглянуться. Госпожа Иветта стояла на пороге, закинув голову с голубоватыми буклями и заливисто смеясь, хлопала сухонькими ладонями.

— Великолепно, Блент! Я знала, что вы догадаетесь. Но не думала, что так быстро. Прежде, чем сыграть роль благородного спасителя, пройдемте со мной.

— Какого черта?

— Я желаю с вами поговорить. По праву старшинства — в годах или звании, выбирайте сами. А вы, милочка, — она окинула задумчивым взглядом Син, — извольте помочь бедной девочке. Она в этом нуждается.

Испытывая настоятельное желание разорвать вдову на части, Карстен взлетел по лестнице.

В кабинет его приглашали впервые.

Кабинет представлял собой захламленное помещение с бездной пыльных книжных полок по стенам. Книги были самые разные, потрепанные и не очень, частью на чужих языках. Пыль осела также на висячей лампе под стеклянным абажуром и синем плюше портьер. Похоже, в кабинете пользовались только столом с кипой бумаг, ножом для их обрезания и массивным и довольно безвкусным бронзовым чернильным прибором. На краю стола покоилась шкатулка, окованная медью. Над остывшим вечность назад камином висел арбалет.

Госпожа Герд перехватила взгляд Карстена, усмехнулась:

— Это не мой. Покойного мужа. Свой я храню в гардеробе, забавно?

Карстен не видел в этом ничего забавного. Он так и сказал без излишней дипломатии. Госпожа Иветта скинула пелерину на обитый гобеленом диван в углу, предложила Карстену садиться. Хотя ряд стульев в междуоконьях, деревянных, с вычурными спинками, не вызывал такого желания. Стулья были слишком монументальны, чтобы использоваться по прямому назначению. Да и Карстен слишком кипел внутри, чтобы сидеть и спокойно рассуждать. Любое промедление могло окончиться для госпожи Иветты печально, не глядя на пол и возраст.

Тем не менее она очень неспеша отодвинула такой же монументальный стул и села за стол, подложив под спину подушечку.

— В мои годы трудно много времени проводить на ногах. Эти

службы такие утомительные.

Карстен скрежетнул зубами.

Иветта сощурилась:

— Чтобы после не возникло недоразумений, — открыла ключом, висящим на груди, шкатулку, протянула Карстену патент, скрепленный восковой висячей печатью. Корсарский патент Карстена выглядел в том же духе: всякие завитки и прочая тягомотина, а среди них четкой каллиграфией было выписано звание Капитана роты арбалетчиков и имя. Корсар пожал плечами:

— Что же, тогда мне придется обжаловать ваш приказ у Ее величества.

Госпожа Иветта улыбнулась и, протягивая постояльцу еще одну гербовую бумагу, сожалеюще покачала головой:

— Это еще мало кому известно, но находясь в столице и учитывая заслуги перед державой моего покойного мужа, мне дан от ее величества еще ряд полномочий на благо государства; пребывая на одре болезни и предчувствуя скорую кончину… да что вы, читайте…

— … наместником внутренней территории королевства Контаман… И это повод прятать девочку в подвал? Весьма по-королевски.

Госпожа Иветта заливисто рассмеялась. В последнюю неделю она вообще смеялась охотно и часто. Признаться, были поводы. Но, на слух Карстена, этот смех был несколько визглив и раздражающ. Он поковырялся в ухе.

— К сожалению, интересы королевства иногда вынуждают к жесткости и даже к жестокости. Впрочем, ее вынужденное заточение продлится уже не более пятнадцати минут. Второй пункт, по которому вы можете предъявить мне претензии — то, что вас использовали втемную. — Она по-птичьи наклонила голову к плечу и почти заискивающе улыбнулась: — Это была проверка, сударь. Я рада, что не ошиблась. Вы умны, и мне это приятно. А маска пижона и бабника, — она кокетливо хмыкнула. Карстена вдруг прошибло ощущение, что мерзкая старуха заигрывает с ним. О покровители! — Кстати, вы зря мучали бедную Трису. Ей было приказано молчать — и она молчала бы.

— Даже под пыткой?

Вдова Герд (впрочем, ее стоило бы величать госпожа Капитан?) небрежно разворошила бумаги на столе.

— Итак, еще два слова. К моему несчастью, моя племянница не доверяет мне. Болезнь… Она калека, но она девушка, и вы заняли в ее сердце место, которое могло быть отдано родственнику. В то же время как ее официальный опекун и

человек, которому не безразлична ее судьба, я должна позаботиться о ее благе.

Она вскинула глаза на Карстена, словно пробуя убедиться в его согласии со своими доводами.

— Но есть еще один аспект: благо державы. Катрина Аделаида… является носителем Меча. Недопустимо, чтобы он попал во враждебные руки. А посему, учитывая ваше на нее влияние и заботясь обо всем вышесказанном, я официально предлагаю вам — если вы, конечно, желаете ей блага и хотите, чтобы она покинула место заключения — жениться на ней. Мы не богаты. В то же время данной мне королевством властью я предлагаю вам в приданое вот это: она протянула Карстену открытый лист. Там имелись все необходимые подписи и печати и черным по белому извещалось, что предъявитель оного наделяется властью и привилегиями капитана учреждаемой волей Ее величества на Свободных территориях и в столице роты арбалетчиков. В документе был пропуск на месте имени. Госпожа Иветта обмакнула перо.

— Полагаю, у меня нет выбора? — спросил Карстен.

— Только на правах мужа вы можете вмешиваться в наши с племянницей семейные дела.

— Вашего мужа?

Глаза Иветты блеснули.

— Это любопытно. Вот ключ от подвала. Мне нужно подумать. Кликните Трису. Без нее вы ничего не найдете.

6.

Пришедший перед рассветом ветер задул свечи каштанов, заставляя дотлевать под деревьями белыми бесполезными грудами. На них, раскисших от росы, разъезжались ноги, а запах вызывал неприятные воспоминания. Виестур обрадовался, когда аллея закончилась. Виестур пребывал в том странном состоянии, когда сознаешь, что пьян, но это никак не влияет ни на рассудок, ни на тело, хотя достаточно выпить еще чуть-чуть — и оборвешься в сон либо тяжелое мерзостное похмелье. А он как раз собирался это сделать, собирался напиться до беспамятства, до шалой мути в глазах. Можно даже прямо здесь, на улице, где пряно пахнет морем и дождем и теплое пятно из приоткрытой двери кабачка уютно ложится на мостовую. О выпуклый камень стены он сбил головку бутылки вместе с сургучной печатью и стал пить, запрокинув голову, не замечая, что обколотый край режет губы и красное вино мешается с кровью. Он отшвырнул, не допив: опять этот запах! Это каштаны, каштаны… Кто-то вскрикнул в темноте. Анградо качнулся на крик. Там был

маленький закуток на три ступеньки ниже мостовой с полукруглой запертой дверью в стене, пахнущий мочой и кошками, и на нижней ступеньке ясно белел подол женского платья. Напрягая зрение, Виестур сумел разглядеть ее всю — видимо, он попал в нее, и теперь она, слегка кособочась, прижимала руку ко лбу, и из-под бальной длинной перчатки падали медленные темные капли.

Он хотел подхватить ее, чтобы унести в кабачок, где ей оказали бы помощь, но она стала сопротивляться, он побоялся, что они упадут, и выпустил девушку.

— П-простите… Я не х-хотел… Д-дайте, посмотрю…

Она помотала головой.

— Х-хотя б-бы возьмите п-платок…

Прижимая к ее лбу скомканный батист, он увидел, что ее ладонь черна от крови.

— П-покровители…

— Нет! Ничего.

Он видел ее почти отчетливо: невысокую, в темном плаще с откинутым капюшоном, из-под которого выглядывало подвенечное платье — в этом закутке? Откуда? — сумасшедшей прелести кружево, шитье и банты; по атласу расплывались некрасивые пятна.

— Жаль…

— Неважно.

Из-под руки, сжимающей платок, Виестур смотрел на ее лицо. Такие называют лилейными. Бледное, без яркой, горячей живости красок, но с удивительным, нежным переходом полутонов и ясными чертами. Лицо было прекрасно. И опять — навязчиво и тяжело — пахло вокруг цветами каштанов.

— У вас кровь, — она пугливо коснулась его губ. И он, как глупец… нет, просто как пьяный, стал рассказывать ей все. Покровители… Эмеральд… В этом закутке, пахнущем мочой и кошками, он рассказывал чужой невесте… "В покое было темно…"

… В покоях было темно и неприглядно, как-то отчаянно пусто, и шаги разводимых по постам гвардейцев звучали по-особому отчетливо и зловеще. Окна из граненых стеклянных шариков почти не пропускали света; темнели и качались, оживая минувшим, гобелены и балдахин кровати, чернел зев давно не топленной печи и в смутном сумраке редко и нехорошо взблескивали позолота и витые шнуры. Раскиданная постель была пуста. Ее величеству хватило сил добраться до окна, но их не было на обратную дорогу, и она скорчилась там, на стуле, тяжело и прерывисто дыша. И тогда он, Виестур Анградо, лейтенант королевской гвардии, сделал то, на что никогда бы не осмелился

не только из почтения, но и из правила, чреватого смертью — к королеве могла прикасаться только доверенная дама, и даже врачи только осматривали ее. Виестур взял ее на руки и отнес в постель, под груду бесполезных одеял, потому что и там озноб сотрясал ее вдруг исхудавшее тело и пахло вязко и сладко — каштановым цветением.

— Анградо!!

Шепот отдался в ушах громом. Он знал, Эмеральд уверена, что кричит.

— Мне страшно, Анградо! Не уходите.

— Я не уйду, — сказал он.

Он сидел, что непристойно при королевской особе, но таково было ее желание. Он страдал от ее одиночества, от смертного запаха каштанов из дворцового сада, просачивающегося в окно…

— Она обещала… она поклялась мне. Я подписала все бумаги.

— Тише, ваше величество. Вам станет хуже.

Он знал, что нужно позвать камеристку, кого-нибудь из дам, лекаря. И не мог уйти.

— Она поклялась, что я выздоровлю. Что она привезет Меч желаний. Сколько до Гезы?

— Где это?

Эмеральд шевельнула рукой. Губы у нее пересохли и опять хотелось пить.

— Где-то… у Либергского озера. Там.

— Неделя пути.

— Да-а?

Королева засмеялась неровным мелким смехом.

— А сейчас сентябрь.

— Апрель, ваше величество.

— Не может быть… — ее глаза сделались как у обиженной девочки. — Она мне обещала. Она же мне обещала!

Ее липкие пальцы нашли руку Виестура и сжали неожиданно сильно.

— Она же… она же сделает это?

— Кто — она? Я могу пойти и узнать.

— Нет!

Эмеральд забилась в одеяла.

И тогда он, глупый гвардеец, преклонил колено и поклялся. Он поклялся отыскать для нее этот меч.

Она покачала головой. Она притянула к себе его голову и строго сказала:

— Именем покровителей я освобождаю вас от этой клятвы. Не смейте. Вы, последний преданный мне человек. Я не хочу

нести туда… вину и за вашу жизнь.

Она говорила это медленно — ей было трудно говорить. А пальцы все сильнее сжимали его виски. Потом она откинулась на постель, и Анградо думал, она потеряла сознание. Но она произнесла слабым, но очень ясным голосом:

— Пусть свершается, как должно.

И дальше — шелестом: "Вино холодное…"

Он знал, о чем она. Он хорошо запомнил этот последний счастливый день. Спускали на воду линкор «Аделаида». Стояли шпалерами в парадной форме гвардейцы, суетилась и смеялась публика. И июльское солнце бросало горячие отвесные лучи. Эмеральда стояла под этим солнцем, в тесном платье, похожем на серебряную кожу, высоко подняв искрящийся хрустальный кубок. Рубином горело в кубке драгоценное вино. Смех и приветственные клики затихли на минуту, чтобы после сделаться еще сильнее, когда она выпила залпом и разбила кубок о нос корабля. Откинула голову с охапкой каштановых волос и громко крикнула что-то. Он был в оцеплении, близко, и расслышал:

— Какое холодное!

Она даже зябко повела плечами.

Не вспоминать!.. Виестур замолчал. Он и так рассказал уже все. Почему-то пропустил про меч. Сказал только, что одна женщина из Гезы пообещала Эмеральде лекарство. И не исполнила обещания.

Незнакомка отняла ото лба платок, покоробленный от засохшей крови. Показалось, в ее глазах стоят слезы.

— Уже поздно, вы устали. Куда вас отвезти?

Она с вызовом посмотрела на офицера:

— Никуда.

Можно было повернуться и уйти. Уже рассвело, с ней не случится ничего дурного.

— Чем я могу вам помочь?

Она покачала головой. Но хмель все еще бродил в голове, и Анградо оказался неприлично настойчив. Должен же был он сделать для нее хоть что-нибудь!

— Вас обидел жених?

— Нет. Я просто убежала… с венчания, — кусая губы, тихонько докончила она.

— Вы не любите его?

— Я?! — она рванула завязки плаща. — Больше жизни!

И решив, что собеседник сомневается, продолжала отчаянно:

— Думаете, в пятнадцать лет невозможно так любить? Чтобы на всю жизнь?

Слова выплескивались из нее, и он просто не посмел бы ее останавливать. И не думал смеяться.

— Думаете, у меня нет сердца? Он ласков со мной, он безупречно вежлив, он спас мне жизнь!.. Но он сидит над кольцом, которое она ему вернула, и плачет. Без слез, страшно. И я не мо-гу!..

Она прижала платок к переносице и тут же отбросила его нервным движением.

— Конечно, я уродина, калека, он не сможет меня полюбить.

Виестур положил ладонь на ее волосы:

— Я тоже калека: одиночка и нахальный глупец, чью помощь отвергли. Ну и что? Вы прекрасны.

Она стиснула его руку своею и прижала к лицу.

— Только… не говорите никому… ему, что встретили меня.

— Куда вы теперь отправитесь?

Она переглотнула:

— Не знаю. Я хотела попросить защиты у Ее величества…

— Она сама теперь нуждается в защите.

— Тогда у церкви.

— Ваши опекуны вернут вас. — И, повинуясь то ли порыву, вызванному вином в крови, то ли наитию и судьбе, он произнес очень твердо:

— Станьте моей женой. Тогда никто не посмеет вас ни к чему принудить, а если найдется в будущем человек, которого вы полюбите и которому будете не безразличны, я найду способ освободить вас от принесенных обетов.

— Не смейтесь надо мной!

Он опустился на колено перед ней прямо на обомшелую склизкую ступеньку:

— Я не смею.

И каштаны, каштаны… платье цвета их лепестков с размытыми пятнышками крови. Он даже имени ее не спросил.

МЕЖДУГЛАВИЕ

Шум накатывался, как прилив, сотрясая древний дворец Контаманских королей, трещинами полз по потолкам и стенам, обрушивал пласты штукатурки, увязал в драпировках и занавесях, чтобы через минуту опять обрушиться беспощадной приливной волной. Приближались, делались громче крики, металлический лязг, предсмертный хрип. А в саду за раскрытым окном надрывались в сирени и черемухах сумасшедшие пьяные соловьи. От удара тяжелой створки двери отлетел на кровать мальчик-гвардеец, заслоняя Эмеральд своим телом, выставив перед собой уже бесполезный палаш. Клацнула, расправясь, тетива, мальчика

отбросило, швырнуло навзничь, и в простыни потекло… потекла. Кровь, черная в вечных сумерках парадной спальни.

А ночь пахла землей и свежей черемухой. Безнадежно и терпко. И соловьи… И высокий мужчина с сардоническим оскалом, со шрамом через щеку и угол рта. Со звериным блестящим оскалом и яростными в насмешке глазами. Он возвышался над Эмеральд, с разряженным арбалетом в руке, и она ничего не могла поделать. Но голос почти не дрожал — о эта выучка дворцов, он не дрожал, только вот был едва слышен, когда она спросила:

— Кто…вы? Что вам… здесь… нужно, — повинуясь тяжелому ритму своего прерывистого дыхания.

Он дернул головой, и свои — не подвитые — волосы качнулись волнами.

— Прошу простить. Коронная гвардия подняла мятеж. Опасаясь за жизнь вашего величества, мы взяли дворец под свою охрану.

— Кто… вы?!

Он учтиво поклонился:

— Капитан Гизарской Роты арбалетчиков Карстен Блент.

Неканонический текст
Радиальная

7.

Пахло сдобой из соседней кондитерской и сбитыми дождем каштановыми свечками. Вошедшие в силу листья охотно принимали в себя тяжелые капли. Несколько дождинок протекло за шиворот. Эля поежилась. Тринадцатилетняя, длинноногая, большегрудая и крепкая, она никак не хотела признаться себе, что трусит. Эля сжала остроугольный тессер до боли в ладони. Асфальт площади впитывал размытое сияние светофоров, габаритные огни проплывающих, как медленные рыбы, редких автомобилей. Призрачно-зеленые светящиеся буквы над Ротой обещали "Порядок и благоденствие", а шесть колонн в ярких фонарях подъезда светились, как огромные белые свечи. Там было светло и радостно, и Эля наконец решилась.

Вежливый охранник на входе сунул в сканер ее тессер и, улыбаясь, попросил подождать. Через неполные две минуты по широкой парадной лестнице сбежала барышня в плиссированной юбке и кремовой форменной рубашке с узеньким галстуком, посмотрела на Элю, на натекшую из-под ее туфелек лужицу.

— Вы опоздали на четверть часа, — сказала она. — Пройдите сюда, переобуйтесь. Туфли оставьте здесь.

Рядом с загородкой охранника стояла высокая полка с мягкими шлепанцами разных цветов, размеров и степеней пушистости. Эля переобулась и пошла за сердитой барышней, только теперь поняв, отчего не цокают ее каблучки. Ковер на лестнице был мягким, как трава.

Белый мрамор сверкал под беспощадными светильниками, слепя глаза, а на площадке, где лестница раскрывалась на два крыла, на низком возвышении перед овальным зеркалом замерла гипсовая раскрашенная старушка. Старушка упиралась в возвышение синим сложенным зонтиком, по-птичьи склонив к плечу увенчанную седыми буклями голову, и Эля испытала ощущение, что старая дама вот только что вышла из зеркала и осматривается, куда попала. Провожатая поклонилась ей, как живой, прижав руку к груди, и Эля механически повторила жест. Сопровождающая это оценила. И пошла медленнее. На поворотах коридоров стояли парами безмолвные охранники, опираясь на тяжелые старинные арбалеты. Эля не знала, дань ли это традиции или вполне действующее оружие. Она вообще старалась не очень-то вертеть головой: в Роте любопытства не одобряли.

Барышня отворила массивную дубовую дверь, почти такую же тяжелую, как на входе. Эля ожидала, что попадет в кабинет или хотя бы в приемную, но очутилась в огромной умывальной комнате, обшитой орехом, со шкафчиками, раковинами и зеркалами, на полочках над раковинами стояли туалетные принадлежности и всякая женская косметика; еще две двери вели куда-то вглубь.

— Переодевайтесь. Приводите себя в порядок, — барышня взглянула на часики. — У вас три минуты.

Протянула Эле щетку для волос, открыла дверцы гардероба и выбрала аккуратный махровый халатик бледно-зеленого цвета:

— Не беспокойтесь. То, что нужно.

Эля чувствовала себя неловко, она предпочла бы остаться в мокром, но своем, она три часа убила на одевание, выбирая самое лучшее. Но приходилось смиряться. Оставшиеся минуты Эля потратила на расчесывание своей платиново-соломеной гривы, в спешке, закусив губу, выдрав часть волос. Барышня отстраненно ждала. Потом они вышли в ту же дверь, миновали несколько коридоров и оказались в просторном кабинете с рядом кресел у стены и широким совершенно чистым письменным столом. За столом, на фоне овального, только чуть меньшего, чем на лестнице, зеркала, сидела барышня постарше и холодно смотрела на Элю. Сопровождающая подвинула к столу кресло, велела Эле садиться и ушла. Эля мельком глянула на стол, и сердце у нее застыло: на его лаковой безупречно чистой поверхности лежала

единственная тетрадка — с ее собственным конкурсным сочинением.

— Эллейн Дарси, тринадцать, Верона, Рицеум изящных искусств, переходной класс.

Эля, сглотнув, кивнула.

— Вы опоздали. Больше так не делайте.

Эля опять кивнула.

— Почему вы избрали эту тему сочинения? Она слишком сложна, за нее не всегда берутся и профессиональные литераторы. К тому же, вы отступили от канонического трактования. Вот здесь… — барышня с выражением зачитала несколько строчек. Примерно так же читала их на конкурсе и сама Эля, чувствуя, как завороженно внимает зал. Ежегодный конкурс, восторженные барышни, пробующие себя в словесности, строгие, нарядные и слегка нервные наставницы…

— Я немного… увлеклась, — робко сказала Эля. Она подняла на барышню глаза — бледно-синие, очень большие, осененные золотыми ресницами. — Мне казалось важным… ну, когда приходится выбирать между любовью и чувством долга. — Девочка чувствовала, что барышня внимательно слушает, и заговорила живее: — Мне… ну, иногда жестокость оправдана, если патриотизм… — Эля смутилась и замолчала.

— Какие источники вы прочитали?

Эля быстро перечислила. Барышня улыбнулась.

— Хочу порадовать вас. Ваше сочинение признано лучшим по Вероне. Вы награждаетесь поездкой по Территориям и недельным отдыхом на море. Поезд завтра в одиннадцать тридцать две. Родители предупреждены. Сейчас пройдите в двести четырнадцатую комнату, по коридору прямо и направо, правая сторона.

Эля шла ярко освещенным коридором, разглядывая таблички на дверях, и голова у нее слегка кружилась от счастья. Двести четырнадцатая комната оказалась кабинетом врача. Там провели осмотр и сделали прививки, необходимые для Внутренних Территорий. Элю обрадовало, что врач относится к ней деловито и строго. Прививок она боялась, и еще больше — от сюсюканья рицеумной сестры милосердия.

— Будет немного больно.

Взрослые обожают преувеличивать. Шлепок и укол заставили Элю прокусить пластик кушетки. А надо было вытерпеть еще два. Через полтора часа, постанывая и хромая, она отворила двери комнаты, предназначенной для ночлега. Рыжая лохматая девочка Элиных лет, лежа животом на расстеленной кровати, повернула голову:

— А-а, привет. Тоже пытали?

— Что? — удивилась Эля.

— Ну вот, ты за… бедро держишься.

Эля боком осторожно присела на свободную кровать.

— Я Сэлли Дим, — сообщила рыжая. — Из Гезы. А там, — она пальцем указала на стену, за которой слышался шум воды, — Людовика Анстрем. Она либержанка. И еще одну должны прислать. У тебя про что сочинение?

— Про Катрину Аделаиду.

— Ага, — произнесла Сэлли удовлетворенно. — А у меня про королеву. Только они сказали, что она умерла от банального насморка.

Эля потерла бок:

— А отчего она умерла?

— Ну-у, в источниках по-разному. И немного вымысла — это перец в супе.

— Здравствуйте.

На пороге спальни встала высокая, удивительно стройная девушка с мокрыми и блестящими черными волосами до плеч, с ярко-синими глазами и очень смуглая. На бедра девушки было намотано алое полотенце. Красота Людовики била в глаза, но фигурка показалась Эле немного плосковатой. Они познакомились.

— Здорово, правда? — сказала Людовика. — Две недели в классной компании. Стоило исписать тетрадку.

— О чем? — спросили Эля и Сэлли хором.

Людовика не успела ответить. В двери резко постучали, и тут же она отворилась, пропуская пухленькую девушку и барышню в форме. Девушка хромала, закусив губу, похоже было, что она недавно плакала. Барышня вела ее под руку.

— У нее прыщи, — сказала Сэлли и брезгливо отвернулась.

— Встать! — приказала барышня. У барышни были широкие плечи, маленькие глаза и неприятно поджатые губы. Она была похожа на щучку. — Меня зовут Герда Герд. Я ваша наставница на время поездки. Вы должны вставать при моем появлении и быть вежливы.

Сэлли замычала сквозь зубы.

— Когда я закончу, оденьтесь приличнее, — сказала Щучка Людовике. — Ваша победа — не повод к расхлябанности.

Сэлли незаметно показала ей язык. Эля прыснула.

— Это Антония Рэй. Она поедет с вами. Ее сочинение — лучшее на Свободных Территориях.

Девочки тихо завыли. Пухленькая литераторша — нет, не пухленькая, безобразно толстая, прыщавая и потеющая, никак им

не нравилась. К тому же, как выяснилось позже, она краснела по любому поводу и слегка заикалась. Сэлли прозвала ее Черепашкой.

— Вы из Гиссара? — спросила Сэлли у Тошки.

— Из Кэслина, — отвечала та очень тихо. — Мой папа получил вид на жительство в Контамане.

— Ага, — сказала Сэлли многозначительно.

— У меня нет вещей, — объяснила Эля госпоже Герде.

Наставница широко распахнула встроенный гардероб, открывая вид на четыре одинаковые пухлые сумки.

— Тут все необходимое для вас. Совершенно новое.

Девочки нестройно поблагодарили за заботу.

8.

— И как у тебя выросла такая грива? — Сэлли водила щеткой по встрепанным волосам, но от этого они не становились ни глаже, ни мягче.

— Это русалка, — Эля запнулась, вспомнив, как в младших классах ее наказывали за безответственные фантазии. Она подобрала длинные ноги, поуютнее устраиваясь на мягком диване, и сунула в рот шоколадку. Вагон мягко покачивался, по красной коже дивана бродили солнечные блики. Наставница Герд решила отложить воспитание на потом, и предоставила детей самим себе.

— Вообще-то это яйцо и немного касторового масла, — подумав, сообщила Эля.

— А русалка?

— Это когда мы выезжали отдыхать, девчонки занимались вызыванием. Ну, ставишь зеркало, перед ним чашку с водой, кладешь расческу и уходишь.

— Надолго?

Эля пожала плечами. Сэлли откусила от шоколадки, и губы у нее сделались полными и коричневыми. Сэлли облизнулась.

— Не знаю. Ненадолго. А потом расческа мокрая, и если ею причесывать голову, то волосы быстрее растут.

Сэлли вытащила из сумки овальное зеркальце:

— Давай?

— Темно должно быть.

Дверь купе распахнулась настежь, впустив улыбающуюся Людовику и крепкого высокого мальчика, очень мужественного, на взгляд Эли, темноволосого, с правильными чертами лица и большими серыми глазами.

— Максим Кадар, — представила Людовика. — Он из нашей команды.

— А где госпожа Черепаха?

— Мне показалось, она тебе не нравится, — Людовика уселась возле Эли, разглядывая зеркальце.

— Пока я ее не обоняю — ничего.

Сэлли улыбнулась Максиму, показав крупноватые белые зубы.

— Мы тут занялись вызыванием.

— А, знаю, — Людовика радостно захлопала. — Конфетный Король, гномы, Ирисочная Корова… Еще фею. Так, Эля, опусти жалюзи. Зеркало есть. Максим, вы не могли бы украсть для нас цветы?

— Я мог бы купить у проводника, — обаятельно улыбнулся Максим. Эля поняла, что пропадает.

— У Щучки были цветы, — подсказала Сэлли.

— Это вы о барышне Герд? Хо-хо, — улыбка Максима сделалась еще и озорной.

— Мне нужно четыре штуки.

Максим встал.

— И духи.

— Какие? — уточнила Сэлли. — Нам подарили разные.

— Лучше цветочные.

— Цветочные у этой дуры, — она имела в виду Тошку.

Эля залезла в сумку:

— Вот, "Нохийская вишня".

Вернулся Максим с четырьмя герберами. Их положили перед прислоненным к подоконнику зеркальцем и обильно спрыснули духами.

— Теперь одеяло, — приказала Людовика. — Забирайтесь и не дышите.

— Долго не дышать? — поинтересовалась Сэлли ядовито.

— Ну, дышите. Только тихо. Потом появится домик и из него выйдет фея.

— А потом?

— Хватайте и загадывайте желание. Только она очень скользкая, может убежать.

— Девочки, я дверь закрою? — вежливо поинтересовался Максим. Потом они долго в полнейшей темноте, почти не дыша, сидели под одеялом, было тесно и очень жарко, терпко пахло духами. Щекотало в носу.

— Ф-ф-все… — Сэлли громко чихнула и выползла наружу. — Не получилось.

— Ага, — сказал Максим радостно. — Зато классно. Я никогда никого не вызывал.

— Может, ей поезд не нравится? — Эля была рада, что у

Людовики ничего не вышло.

— Можно ночью попробовать.

— Тогда не будем мелочиться, — Сэлли обвела всех гордым взглядом. — Вызовем Даму Иветту. Здесь нет трусов и болтунов?

Она нарочито медленно открыла минералку, разлила по бокальчикам. Разломила на дольки остаток Элиного шоколада. Подумала и прибавила свой апельсин.

— Тогда…

Идея Сэлли всем понравилась, и ее обсуждали, запивая минералкой, пока не явилась наставница Герд и не повела всех в вагон-ресторан. Ночью, когда наставница заснула, все опять просочились в купе Сэлли. Все, кроме Черепашки. Сэлли сказала, что выродков в такое нельзя посвящать.

Они сидели в душной мерцающей темноте, поезд покачивало на стыках, прижимая их друг к другу, и было очень хорошо и уютно. Эля думала, что может не стоит вызывать никакую Даму Иветту, а просто сидеть, разговаривать, чувствуя у своего плеча плечо другого.

— По какому способу будем вызывать? — громким шепотом спросила Сэлли. — По хорошему или по страшному?

— А в чем разница?

— По хорошему ставишь под кровать стакан воды и сверху хлеб и ложишься спать. В полночь приходит Дама и охраняет тебя до рассвета, а утром, когда посмотришь, половина хлеба съедена и половина воды выпита.

— Ну, это скучно, — промурлыкала Людовика. — И что, она за этим хлебом под диван полезет? Страшный давай.

Шепот Сэлли сгустился, навевая всамделишнюю жуть:

— Берешь зеркало. На нем рисуешь полоски, как лестницу. И смотришь…

— Так в темноте же не видно!

— Можно фонарик зажечь, — прошипела Сэлли. — Вы слушаете или нет?

Все дружно подтвердили, что слушают.

— И смотришь… А когда в зеркале появляется черный огонек и начинает приближаться, надо быстро стереть нижние ступеньки, иначе Дама застрелит.

— Ой, — сказала Эля.

Конечно, все согласились на страшный способ. Сэлли достала зеркальце.

— Чем рисовать будем?

— Помада сойдет? — Людовика протянула высокий тюбик. В свете голубого настенного фонарика, сблизив головы и затаенно дыша, все напряженно вглядывались в расчерченное кармином

зеркальце. Сэлли держала наготове полотенце. Огонек не появлялся. Зеркальце послушно отражало свет фонарика и кусочки склоненных лиц.

— Может, свет выключить?

— Тогда ступеньки не разглядишь.

— А давайте его Черепухе подкинем… — прошептала Сэлли.

— Так ведь Дама Иветта ее убьет.

— Зато проверим, правда это или нет.

Они на цыпочках подкрались к соседнему купе. В его полутьме раздавалось неровное дыхание Тошки, она изредка всхлипывала сквозь сон. Людовика, как вторая хозяйка купе, быстренько повыключала фонарики, положила на столик зеркало и с тихим прысканьем и попихиванием все отступили и приникли к закрытой двери. Ничего не происходило. Видимо, в эту ночь Дама Иветта не выходила на охоту.

Людовика зевнула, прикрывая рот ладошкой:

— Ну-у все-о, лю-уди, спа-ать хочется.

Она открыла дверь купе, протопала к столику, наощупь обтерла зеркало и вернула его Сэлли. Толкнула стонущую Тошку и свалилась на свой диван. Ушел, вежливо распрощавшись с девчонками, Максим. Сэлли еще немного постояла с Элей в коридоре у приоткрытого окна. Из него тянуло запахом травы и влагой, звезды висели над горизонтом.

— Скучно, — сказала Сэлли. — Я всю жизнь прожила в Гезе, а опять туда ехать. И так там все знаю. Кстати, — она оживилась, я вам такое покажу, что ни один историк не покажет.

— И дом госпожи Иветты?

— Ха! — Сэлли хлопнула ладонью по стене. — Даже тот подвал, где она держала племянницу.

— Разве это правда? Ну, что держала в подвале?

Сэлли улыбнулась своими крупноватыми зубами:

— Конечно, правда. Прятала от арбалетчиков.

— Зачем? Она ведь тогда была капитаном Роты?

— Арбалет — он механизм, — сказала Сэлли, очень напомнив Эле Максима. — У него родственных чувств нет. Все, — она широко зевнула. — Я спать хочу.

9.

Бассейн напоминал пересоленный суп с клецками. Людовика, демонстрируя ногу, лениво повозила мыском в воде; возвела горе синие очи:

— Не понимаю. Зачем это… здесь, когда там, — она простерла руку в сторону стеклянной стены отеля, — море.

— Затем, — Максим рассудительно указал на болтающийся

за той же стеной полосатый чулок штормового предупреждения. Словно в подтверждение, ветер швырнул в стекло пригоршню песка.

Утром они навестили королевский дворец, а после им было велено отсыпаться в ожидании предстоящей вечером приятной неожиданности. Тошка застудилась в поезде, ей скривило шею, и в Гезе доктор надел на нее жесткий воротничок. Она рыдала по ночам, мешая остальным спать. Наставница была вынуждена поселиться с нею. Разминала ей мышцы, натирала мазями и днем ходила невыспанная, злая и утратившая бдительность. Остальные об этом не жалели и спать не стали. Сидели в холле в креслах под пальмами, изредка залезая в бассейн. Эле особенно нравились ее купальные трусики, похожие на шкурку зверя, золотистого теплого оттенка. Конечно, они бы больше подошли смуглости Людовики, но та предпочитала малиново-огненные тона. На Сэлли трусики украшал кокетливый передничек; вылезая из воды, она отжимала его с таким видом, что все закатывались.

Людовика потянулась.

— Нам разрешено воспользоваться здешним буфетом. В разумных пределах.

Эля перехватила взгляд Максима, брошенный на соперницу. Внутри скребнула кошка.

— Я… хочу выпить вина! — объявила она громко.

Максим неохотно встал. Мышцы заскользили под смуглой кожей. Эля сглотнула.

Максим ушел. Людовика потянулась следом. Сэлли с Элей переглянулись. Еще два дня назад они обсудили проблему и нашли радикальное решение. Приворотное зелье изготовлялось так просто, что и мучиться не стоило. Надо было взять две ленточки — черную и красную, прядь волос; написать на ленточках "люби меня, как я тебя", обвязать ими волосы и сжечь в пепел, а потом размешать его в жидкости и споить возлюбленному. Больнее всего далось Эле остригать волосы, но напоминание о торжествующей Людовике…

— Я узнал великую щучью тайну, — Максим поставил поднос с вином на край бассейна и сам плюхнулся рядом. — Сегодня начинается Гиссарский праздник Молний.

— И что то есть? — мурлыкнула Сэлли.

— Ну, он бывает раз в сто лет. И народ стоит на ушах.

Эля попыталась вообразить, как могут стоять на ушах почтенные граждане.

— Можно бродить до полуночи, — объяснила Людовика из жалости к ней. — Купаться ночью и не соблюдать правила дорожного движения. Кстати, по центру гулять только пешком.

Сэлли больно толкнула Элю локтем и громко сказала:

— Не понимаю, какое во всем этом удовольствие. Холодно. И комары. Мы попробуем вина?

Эля поняла намек, полезла в складки брошенного на кадку сарафана. Теперь главное было пересыпать содержимое пакетика в бокал Максима. Какой ужас случился бы, выпей это кто из девчонок! Но с помощью Сэлли все вышло здорово.

После завтрака все отправились в королевский дворец. Никто не мешал Тошке пойти вместе с остальными. Но она не хотела. Эта выигранная поездка, ожидание праздника обмануло. Как она мечтала увидеть места, которые описывала в своем сочинении, подружиться с теми, кто разделял ее сказку. Она все чаще плакала по ночам, закусив уголок подушки. Не из-за больной шеи и не потому, что скучала по отцу и сестренкам. Просто все, что она навоображала себе, не произошло. Она так и осталась толстой девчонкой с распухшими глазами и покрасневшим носом, не нужной никому. Какие бы чудеса ни случались у нее внутри, как бы там ни было красиво… этого никто не хотел замечать. Она надела поросячье-розовое платьице и босоножки, замотала пластиковый воротничок на шее кисейным шарфиком и, поковыряв на подносе завтрак, тихонько ушла из отеля через черный ход. В подземку Тошка спускаться боялась и потому села на трамвайчик, едущий в центр. Точнее, не села, сидеть после уколов было больно даже боком, а стала коленями на деревянную скамью на задней площадке и смотрела, как убегают в перспективу вплавленные в брусчатку золотые рельсы и сиреневые тучи громоздятся в проломе улицы. Улицы горбатились, как подставленные под ласку кошачьи спины, изгибались среди старинных, словно нарисованных домов, и потихоньку Тошке делалось легче. Она слезла на незнакомой площади и просто пошла в куда-нибудь. Площадь была большая, на ней стадами паслись голуби, а остроконечные башни с флюгерами причесывали небо. На одной из башен светился циферблат часов — как полная луна. Пройдя несколько заросших сиренью узеньких проулков, Тошка вышла на еще одну площадь, треугольную, маленькую, с фонтанчиком посередине. Возле фонтанчика висела корабельная цепь и лежал прикованный якорь. Вокруг фонтанчика нарезал круги мальчик лет восьми с деревянным мечом у пояса, громко напевая:

— Не зуззы, насекомое,
я тебя засусу, засусу.
И в стеклянную баночку
полозу, полозу.

Припев звучал уж совершенно невероятно:

— Тумбочка, тумбочка…

И так восемь раз на одном дыхании. Тошка прыснула. Пацан остановился и удивленно взглянул на нее. Раздул ноздри и выволок меч:

— Уходи!

Тошка отступила. Не то чтобы она испугалась пацаненка с деревяшкой. Просто в свете последнего настроения. Не хотелось еще наслушаться гадостей.

— Димка! Я тебя вышлепаю!

Этого мальчишку — ее примерно лет — Тошка сразу не разглядела в тени крыльца, где он сидел. Или он просто появился позже. Спина сразу стала беззащитной и ладони липкими. Она втянула воздух. А мальчишка уже стоял рядом; взял певца одной рукой бережно за шкирку, а вторую руку положил поверх рукояти меча.

— Вы его не бойтесь, — сказал он.

Тошка проглотила слезы.

— Иди в крепость, Димка. Скажи, я скоро буду.

Димка получил легкое ускорение собственным мечом и шлепая, скрылся в переулке. Тошка стояла посреди площади и не знала, что ей делать.

— Вы заблудились?

— Н-не-ет, — промямлила Тошка. — Я гуляю.

Мальчишка был на полголовы выше ее, в растянутом свитере и дерюжных шортах, лохматящихся бахромой. Босые ноги исцарапаны и вымазаны пылью и травяным соком. Волосы у мальчишки отливали в рыжину, а глаза серые и внимательные, с озорными искорками внутри. И губы так и норовят растянуться в улыбку.

— Я Юрий. Юрка Асселин.

Имя упало, как звон клинка. Он протянул Тошке обе руки. Тошка посмотрела на него, суетливо вытерла ладони о платье. Руки соприкоснулись. Словно вдруг натянулась и задрожала серебряная нить в воздухе. Юрка накрыл ее запястья своими. Тошке показалось, они вечность стоят вот так и не могут разорваться. А потом он просто взял ее за руку и повел за собой.

Это был в ее жизни самый счастливый день. Они бродили извилистыми улочками, катались на каруселях в парке, ели на набережной жареную рыбу; лазили по каким-то обрывам, поросшим бурьяном и молодой крапивой. Среди бурьяна попадались остатки белых каменных стен, вросшие в землю каменные ядра. Юрка объяснил, что это старинные бастионы. Поскользнувшись на припрятанном в траву ручейке, Тошка

поехала вниз на пятой точке. Она взвизгнула не от страха, а от неожиданности. Юрка поймал ее за руку. Случайно скользнув ладонью по волосам и запнувшись за край воротничка.

— Что это? — он внимательно заглянул Тошке в глаза. А она честно забыла и про больную шею, и про издевательскую компанию. Опять очень захотелось плакать.

Юрка заставил ее сесть на плоскую прогретую солнцем плинфу под обломком стены. Пахло пыльцой, из травы выглядывали одуванчики. Выше по обрыву полукружия бастиона тонули в шиповнике и сирени. Тошка поскребла свежую царапину на колене. И расплакалась всерьез. Слушая сбивчивую повесть о сказке, поезде и сне, в котором в Тошку стреляли из арбалета, Юрка разматывал шарфик и шнуровку на воротничке. Бросил все это в траву и подержал ладонь у Тошкиной шеи.

— Вот что, — сказал он серьезно. — Ты обопрись спиной о стенку посильнее. И вот тут руками возьмись. — Он вытер слезу с Тошкиной щеки. Ладонь царапнула бугорками мозолей. — Глаза закрой, если страшно, и потерпи. Я быстро.

Тошка, как добрая дурочка, закрыла глаза. Вцепилась в камень. И потеряла сознание от боли.

Она сперва не поняла, что гладит ее по лицу: Юркина ладонь или теплые солнечные лучи. В шее словно чего-то не хватало, а горло залило вязким. Тошка сглотнула.

— Полежи еще.

По лицу скользнула легкая тень. Как от пролетающей птицы. Тошка открыла глаза. Юрка наклонялся над ней, свитера на нем не было, кожа была загорелой и исцарапанной, словно он каждый день воевал с кошками. Свитер оказался у Тошки под головой. Тошка резко села, и голова закружилась. Она увидела кровь на Юркиной руке и отброшенный в траву арбалетный болт. Юрка не дал ей упасть.

— Тут часто такие попадаются, оцарапался, — он пяткой оттолкнул болт в бурьян. — Надевай свитер и пойдем.

Тошка взялась за шею. Шея опять была замотана шарфиком, но уже не болела, ни чуточки. Только на языке мешал противный соленый вкус.

— Пить.

Он помог Тошке дойти до ручейка и поил с ладони, потому что когда она пробовала нагибаться, голова кружилась. В свитере было жарко, и только потом, когда пришлось лезть через шиповник, она оценила Юркину предусмотрительность.

10.

Цепкие, как крючки, глаза, вытащили на поверхность и стали,

словно тухлую рыбу, брезгливо выворачивать и рассматривать Элины мысли, радости, желания. А когда отпустили, девушка покорно и беспомощно пошла на дно.

— Ст-тару-ха!… - выдавила она через кашель и плач.

— Если напилась — не плавай, — жестко сказал Максим.

Но была же старуха! Пялилась совиными зенками, прихлебывала кофе на бортике. Погружаясь в омерзительно солоноватую воду, Эля еще увидела, как старуха уходит, покачивая спиной в старческих пятнах, постукивая острием зонтика по мраморным плитам вестибюля. Эля вспомнила, откуда знает ее, и сотряслась в очередном приступе рвоты. Именно такая старушенция — раскрашенная гипсовая статуя — стояла на лестничной площадке Веронской Роты. Или почти такая же. На лестнице она была одетой. Эля вывернулась из рук своих многочисленных спасителей, метнулась по коридору, пятная водой вишневую ковровую дорожку.

— Э-эй, госпожа! — закричала она, видя удаляющуюся за угол противную спину. Задыхаясь, забежала за поворот. Там никого не было. Так что, померещилось от испуга и недостатка воздуха? Вытирая слезы и рот, пробуя отжать насквозь мокрую гриву, побрела девушка в свою комнату. И застыла на пороге. В стойке прихожей стоял фиолетовый зонтик. А сама старуха почивала в кресле, брезгливо отодвинув блестящее платьице, заботливо выглаженное для вечерней прогулки по столице.

— Милочка, — сказала она, наворачивая на палец седой локон. — Ваша истерика в бассейне была просто безобразна. А ваша подруга, эта, как ее, Сэлли, вульгарна. Я ожидала большего.

У Эли дрогнули губы.

— Что вы здесь делаете? Я… закричу.

— Какой пафос! — бабка резко махнула рукой, сбив со стола статуэтку, что убедительно доказывало материальность явления. — Напоминает ваше сочинение, не находите? Заприте дверь!

Эля повиновалась.

— И оденьтесь. Только не это… — старуха подцепила парадное платьице ногтями, откинула, как испачканную половую тряпку. По своей наглости не учитывая факт, что сама сидит в одних (правда, сухих) трусиках в чужой комнате, вовсе не блистая красотой.

— Не копайтесь! У моей племянницы тоже не было вкуса, и она плохо кончила.

— Н-но… — пробормотала Эля.

— И скоренько смойте краску, девушке в ваши годы приличествует скромность.

Старуха побарабанила пальцами по столу в нетерпении, пока Эля трясущимися руками исполняла ее приказания. Надо было закричать, отпереть дверь, выскочить, позвать на помощь. Где-то здесь обретается наставница Герд…

— Садитесь и слушайте.

Старуха прошлась по комнате, твердо утыкая в ковер каблуки своих лаковых допотопных туфель.

— Терпеть не могу вранья. Эти олухи вам сказали, что вы выиграли конкурс. Милая моя, в ваши годы пора лишиться иллюзий.

Откуда-то в руках особы закачалась знакомая тетрадка. Эля потрясла головой.

— Сидите смирно, милочка. Не брызгайтесь. Так вот, — старуха вскинула голову. — Это бред, который способна выдать любая девица, не задумавшись. И это не только к вашему сочинению относится! Одно единственное искупает его беспросветную глупость — полная и абсолютная неканоничность текста. Потому умники из аналитической службы и угрохали лэргову уйму денег, чтобы организовать вашу поездку. В надежде, что с миссией вы справитесь и затраты окупите. Но все равно лучше присмотреть лично, верно?

— Кто вы?

— Детка, страна должна знать своих героев. Даже последняя дурочка в этой стране. А ты, по-моему, не совсем глупышка. Я права? — гостья по-птичьи наклонила к плечу увенчанную седыми буклями головку. Казалось, она сейчас опустит свой востренький носик и уклюнет.

— Ай! — вскрикнула Эля. — Там мышь!

И пока старушка сгребала свои древние косточки и лихорадочно озиралась, успела повернуть ключ, вывалиться из комнаты и с грохотом и воплями влететь в обиталище наставницы.

— Ой, помогите!! — с порога заорала она.

Ванька зыркал из-под ресниц, светил шоколадным брюхом, обцелованным шиповником. Шрамы были похожи на розовые и белые ниточки. Это юное дарование отнеслось к приказу своего командора серьезно, но с недоумением. А потому таскало Тошку по всем крепостным закоулкам и рассказывало жуткие истории. Истории эти касались почему-то исключительно невинных девочек, замученных в крепостных стенах злыми упырями, пауками, летучими мышами и арбалетчиками. Вероятно, Ванька питал надежду, что Тошка сама испугается, взвизгнет и убежит. Или сломает на крутом скате шею. И можно будет с чистой

совестью идти об этом докладывать. Но Ваньке не везло.

Выдохшись, он уселся на вмурованную в камень чугунную пушку, теплую от солнца, и обреченно спросил:

— А знаешь?..

Тошка поправила шарфик на горле. Она немножко даже гордилась собой.

Отсюда, с бастиона, был хорошо виден полуобрушенный, засыпанный обломками и ветками, заросший бурьяном и густой крапивой склон горушки и внизу синий лоскутик моря. А от простора распахнутого неба кружилась голова.

— Не знаю, — сказала Тошка. — Красиво.

Ванька надулся, съехал с насеста и зловещим тоном сказал:

— Идем.

Комната была такой низкой, что Ванька, подпрыгнув, припечатал ладошками потолок. А невезучая Тошка задела теменем свисающий медный фонарь. Но зато три узких, как мечи, окна сияли лиловыми витражами. И солнце, падая сквозь них, расцвечивало черно-белый мраморный пол.

Ванька коснулся риски на стене, глубоко прочерченной в камне.

— Вот здесь…

— Что "вот здесь"?

— Здесь они ее замуровали.

И столь глубока и искренна была скорбь его голоса, что Тошка поняла — не врет. Самое время было визжать и бежать. Как подумаешь, что в толщине кирпича от тебя пребывает самый взаправдашний женский скелет! В общем, бр-р.

— Вообще-то, она сама согласилась, — утешил девочку Ванька. — Был в старину такой обычай.

— Соглашаться, чтоб муровали?!

— Ну да. Чтобы крепость не обрушилась.

— Строить лучше надо!

— Ты что! — Ванька покрутил пальцем у лба. Видимо, чем-то дорога ему была замурованная национальная героиня. А вот Тошка дорога не была. И пугать ее было можно без зазрения совести. И тогда она уселась в единственное на всю комнату кресло и самым беззаботным тоном спросила:

— А дальше?

Ванька взгромоздился на краешек покрытого вытертым плюшем стола, нахохлился и сказал в колени:

— Был самый темный час перед рассветом, когда комендант крепости Свет Асселин…

…Был самый темный час перед рассветом, когда комендант

крепости Свет Асселин вышел на плоскую площадку Девичьего бастиона и наклонился над парапетом. Мальчик-ординарец, привалившись к стенке и зажав фонарь между коленями, тут же задремал. Вился туман, наползая от реки, закручивался спиралями, дымными прядями; кружил голову. Из всего бесконечного дня вспоминались только свежая заплата раствора на поврежденной стене и раздувшийся лошадиный труп. И еще надо почистить колодец. То, что достают из него, уже похоже на хорошо разбавленную грязь. А отважные наскоки и поединки — для геройствующих мальчиков. Губы зашептали неслышно: "Ревнительница Гизора, освятившая своей кровью эти камни…" Громкий крик заставил Асселина очнуться. Кричали с гласиса — ровной, насквозь простреливаемой площадки по ту сторону рва.

— Э-эй! Давай коменданта!

Голос был как будто знакомый. Неприятный, с хитрецой голос.

Ординарец проснулся и встал рядом, сонно протирая глаза. Свет почти не различал его, догадывался по шороху.

— Ну, я комендант! — звучный зык перекрыл разделяющее расстояние.

— А чем докажешь? — в тумане презрительно хмыкнули. И тут мальчишка — то ли со сна, то ли от детской гордости и глупости приоткрыл заслонку у фонаря.

Всхлип выстрела. И чье-то тело упало, заливая горячим, в руки Асселина. Не ординарца — вон он шипит и нехорошо, тоскливо ругается, припав за парапетом. На выстрел сбегаются, кто-то стреляет в ответ. Асселин стоит на коленях. Откуда эта девочка, что подвернулась под пулю? Он ее где-то видел. Перевязывала раненых? Носила воду? Здесь, в крепости теснится весь Гиссар. Немудрено проглядеть. Только вот, он, Асселин, готов поклясться Мечом желаний, что за миг до выстрела ее здесь не было. Ординарцу валяться на камнях в луже собственной крови. Или… ведь целили в него.

Дина распорядилась положить ее в главном нефе вместе с другими ранеными, и теперь, лежа на краю, на застеленной рядном соломе, эта девочка была, как все.

Сестра Дина обвела глазами низкие своды, темный камень стен, расцвеченный витражами. Здесь не было тяжелого духа, вроде бы, обязательного там, где много раненых беспомощных людей, и сдержанные стоны оставались всего лишь фоном — как прибой. Тихо шаркали туфли послушниц. Дина наклонилась над девушкой, разглядывая ее одежду. Это был очень старый убор — не ветхий, а старинный. Два века, очевидно. Может, такие и

могли еще сохраниться — если надевать по большим праздникам, а потом прятать в ларь, перекладывая базиликом и полынью. Дина, как и любая, призванная к служению, хорошо в таком разбиралась. На раненой была шелковая зеленая юбка, обшитый горностаем голубой жакет, узкий лиф, так забрызганный кровью, что цвет его потерялся, и разрезанный при перевязке. Во всех складках одежды пряталась вышивка — легкий зеленый и синий травяной узор без единой золотой или серебряной нити, что тоже указывало на старину. Сама девушка Дину не интересовала.

К Дине приблизилась по ее жесту сестра Дигита.

— Дашь ей настой боярышника для укрепления сердца. Тысячелистник. И как можно чаще пои разбавленным вином, — Дина указывала ровным спокойным голосом, скрывая внутреннее смятение.

— А маковый отвар?

— Нет! Он нужен тяжелораненым.

Сестра Дигита посмотрела на нее с удивлением, но промолчала.

— Ты не имеешь права на существование. Вместо того, чтобы исполнять свои обязанности, он думает о тебе. Но я покончу с этим. Утром предстоит сражение. Может быть, самое страшное сражение в истории Гиссара. И он должен идти на него со свободной душой.

В узкое окно вливался голубоватый свет. Еще не утро, а предчувствие утра, прогоняющее ночные страхи и тени. Но эту тень никто не мог прогнать. Дина говорила тихо — никто из раненых не проснулся. Кроме той, кому предназначались слова. Досада и брезгливая жалость — вот все, чем могла одарить ее Дина в последний путь. Ну, и верным ударом ножа — сестра не выносила ненужной жестокости.

— Мертвая легенда… — начала она ритуал Отпускающих Слов, — время твое прошло, и оставайся мертвой, не смущая души и не тревожа…

Утробно квакнули мортиры и влажно шлепнула попавшая в цель картечь.

… и они умирали на этих камнях, скользких от крови.

Так хлещет через пробитую дамбу вода, так сель взрывает почву и камни, изменяя лице земли. Расползались на ручейки ветра. И лишь щелканье, хруст, и хлябь под скользящими ногами. Солнце Гиссара закатывалось в этот день.

А потом защитники опустили оружие. Потому что никто не видел, но после рассказывали, что видели, как нисходят любовь и

гнев этой земли. С неба полился травяной сок. И как молния вспарывает подбрюшье тучи, вспорот был приступ, и оружные, удоспешенные ломались, как трава. В проломе куртины меч вращался, находя себе жертвы, потому что ежли двое хотят чего-то слишком сильно… а тут не двое… и настало время сбываться желанию.

И пришел вечер.

И шиповник вырос из земли, поглощая их мертвых, и зацвел цветами цвета крови, а своих было время хоронить самим.

Гизора вытерла тыльной стороной ладони льющуюся из носа кровь, кровь оставила зеленую полосу на руке, сжимающей меч. Свет шевельнул непослушными губами, но так ничего и не спросил. Потому что знал.

А девушка стала падать и исчезла прежде, чем он успел ее подхватить.

11.

Низкие тучи обложили небо, где-то за ними ворковал гром, изредка начинал сеяться дождик. Злая, как оса, Щучка, затолкала протестующий народ в служебную "уэлу." На площади перед королевским дворцом их ждала знакомая дама-путеводитель.

Праздник выходил какой-то неправильный. Ладно, погода… но и улицы Гиссара были пустынные, точно вымершие. Если не считать приземистых бронэров, маячивших на углу. Девочки мерзли в своих оборчатых платьицах и явно предпочли бы теплые постели.

Дама-путеводитель объяснила, что все празднование, танцы и иллюминация происходят сейчас для граждан и гостей города на площади Народа, а Старый город закрыт. "Для сбережения национальных святынь," — как сообщила она с придыханием. Но им конкретно оказана высокая честь…

— Лучше бы не оказана, — фыркнула шепотом, оглянувшись на Щучку, Сэлли.

Путеводитель скоренько оттарабанила положенный текст. Про размеры и местоположение древнего Гиссара, пиратские набеги из Таммерии, обычай добровольной жертвы во обеспечение неуязвимости городских стен. Указала куда-то в пространство холеной рукой — да, именно там находится историческая Шиповничья крепость. Ее не видно из-за плохой погоды, нет, они туда не пойдут. Склоны — ноги поломать. Да, именно туда после ночного танца подымалась босая ревнительница Гизора, дабы на рассвете… они дружно повздыхали о жестокости древних нравов.

"Да. Живую. Действительно "Какой ужас!" Как хорошо, что мы живем в просвещенный век." Тут же на головы замерзающих слушателей просыпалась очередная легенда. Максим стал выяснять, обо что же поранилась Гиссорская героиня. Дама затруднялась с ответом. Возможно, это был острый камешек, а возможно, ветка шиповника. Его уже тогда тут росло… Главное не это. Главное — превращение крови, освятившей камни. И теперь раз в сто лет… да, как раз сейчас тоже, с неба падают зеленые молнии, в которые обратилась эта кровь. И если не убояться ран, которые они могут причинить, и поймать молнию — исключительно голой рукой — то она исполнит твое единственное желание. А потом погаснет.

— Ах, как интересно, — прошипела Сэлли, встряхивая мокрой рыжей гривой.

Нет, конечно, нашелся умный человек, сделавший молнию многоразовой. А как вы думаете, на что похожа линейная молния?

Путеводитель взглянула на часики. Да, ровно через пять минут вы сумеете все сами увидеть. Пройдите за оцепление. Извините, я вынуждена уйти. И госпожа Герд тоже.

… Первые редкие и тяжелые капли упали с сумрачного неба. Одна задела плечо Людовики. Та вскрикнула — капля была обжигающей. Коснувшись брусчатки, капли рассыпались зелеными искрами. Высоко зарокотал гром. И вдруг небо расплавилось зеленью, распустилось, как цветок. Слепило глаза. Обрывалось ветвистыми и шаровыми молниями, лопающимися, словно шарики, при соприкосновении с деревьями, крышами и фонарями. Лишь изредка падая в темноту, город стал похож на пузырящийся зеленый аквариум, вдруг утонув в котором, делался призрачным. И только зеленый цветок в небесах, огненный зонтик оставался настоящим.

— Бежим! — закричал Максим. Они побежали вдоль улиц, перегороженных броневиками оцепления, под еще редким, но болезненным огненным дождем, пока укрылись под какой-то навес, и уже оттуда смотрели на буйство праздничного огня. Огня, который не поджигал. Отсюда, с безопасного места, это было даже красиво.

— Ну что, кто-то будет загадывать желание? — Сэлли закружилась, насколько хватало места под навесом. Пряди встали вокруг головы нимбом подмокшего огня.

— Щас. И вообще, — Людовика облизнулась, — это же только легенда.

— Нет в вас нездорового романтизма.

— Ты мужчина — ты и выскакивай.

— А что скажет Черепуха?

Тошка молчала. Молнии взрывались, на какой-то миг застывая в глазах. Где-то она читала, что можно увидеть черную молнию. Но эти — эти были травяными и совсем не страшными. Интересно, а Асселин… Юрка, он сейчас смотрит?

Непонятно, откуда появился на улице мальчишка. Он бежал, как будто от этого зависела жизнь, и молнии каштановыми шариками клевали его в спину и руку, прикрывающую затылок. Детям показалось, они даже дыхание мальчишки слышат — задавленное, усталое. Хотя шипение молний заглушало все. И тут за мальчишкой выехал в узкую улицу бронэр. Зловеще медленно, спотыкаясь гусеницами о булыжник старинной мостовой. Накатывался. Тошка схватилась за горло, где еще ощущался шрам арбалетной стрелы. Горло перехватило так, что даже задушенно крикнуть не получилось. А мальчишка упал, и машина наехала на него, на вздутую пузырем прожженную рубашку и раскинутые ноги. Проехала и остановилась. Мужчины в дымчатых шлемах и черной обтягивающей форме выскочили, деловито подхватили тело, затолкали внутрь. Люк закрылся. И все это в полной тишине. И тут Тошка закричала. Выскочила под плети молний, под зеленый горячий ливень, запрокидывая к нему лицо. Не чувствуя искр, впивающихся в кожу. И прямо к тучам и молниям прокричала:

— Нет! Я не хочу, не смей умирать!

И ладошками схватила живой огонь, обрушившийся с неба.

МЕЖДУГЛАВИЕ

Мальчишка зарылся в водительское кресло, в кожаную куртку с белой меховой подстежкой, пахнущую смазкой и бензином, укрылся ею с подтянутыми коленями, так что торчала одна голова. Командир броневика, отодвинув свой арбалет, перегнулся через сиденья, извлек металлическую фляжку, разлил по емкостям коньяк. Мальчишке тоже протянул крышечку.

— Твое здоровье, сынок.

Экипаж дружно выпил.

В бронэре было тесно и тепло, клонило в сон. Совсем не хотелось думать о затихающей за броней травяной грозе. Да и здесь, внутри, было вовсе не страшно.

Мальчишка потерся о рукав куртки щекой, поднял желто-серые, отразившие свет контрольной лампочки глаза.

— Честное слово, папа, я бы сам наловил тебе этих зеленок, сколько нужно.

— Не наловил бы.
— Почему? — обиженно набычился пацан.
— Потому что ты не веришь в чудеса.